

Ю л и я Фирсанова

Тройной переплет

Мира — три, работы — вдвое, дело — одно!

Божий промысел по контракту

Юлия Фирсанова
Тройной переплет

«АЛЬФА-КНИГА»

2012

Фирсанова Ю. А.

Тройной переплет / Ю. А. Фирсанова — «АЛЬФА-КНИГА»,
2012 — (Божий промысел по контракту)

Приключения посланцев Совета богов продолжаются! Три прошения слиплись в один комок от пролитого кофе. Что это? Злой умысел, вопиющая халатность или между просьбами о помощи из разных миров есть связь? Эльфы, страдающие по гибнущим цветам, маленькая крепость в горах, которой угрожают вторжением орды нечисти, и безымянный ужас, терроризирующий маленький городок... Сплести нити трех историй в одно полотно предстоит находчивой команде друзей. На этот раз понадобятся усилия каждого: вора, целительницы, мага, воина, хаотической колдуньи и технаря!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юлия Фирсанова

Тройной переплет

Пролог

Ударная весть

Сон был замечательный: она опять бродила по огромной библиотеке, той самой, где собраны все самые интересные книги Вселенной, и с полки можно взять любую, только руку протяни. Видение казалось таким заманчивым, что не хотелось выныривать даже в самую великолепную из реальностей...

По утрам Элька вообще поднималась не слишком охотно. «Кто тут такой добрый в восемь ночи звонит?» – эта старая Масянина шуточка была как раз про нее. А уж сегодня, когда весь вечер, вернее, половину ночи как минимум, Элька читала большущий том легенд с объемными иллюстрациями, и подавно. В глаза словно насыпали песка, магический будильник, сувенирчик из Гирзы, уже трижды со все нарастающей громкостью проиграл мелодию. Элька с закрытыми глазами спустила ноги с кровати, не обуваясь, сделала по направлению к ванной шаг, другой. Зацепилась за какие-то длинные веревки с тяжелыми гирьками, безнадежно запуталась в них и стала падать.

«Блин! Босоножки! Я вчера поставила у кровати босоножки... И новую тумбочку тоже!» – последняя мысль ярко осветила голову легкомысленной растяпы прежде, чем сила удара о мебель отправила владелицу в глубокий нокаут.

С отчаянным писком сорвалась с края балдахина Мыша, закружилась над хозяйкой, настырный будильник заиграл мелодию громче. Тщетно! Ни крик летучего создания, ни настойчивая музыка не могли вытащить Эльку из глубокого забытья.

Умный зверек, уяснив бесплодность своих попыток, сорвался с места и вылетел в окно. На площадке перед домом в это чудесное, пронзительно свежее весеннее утро, как обычно, тренировался Эсгал. Сей доблестный муж парил в полуметре над землей в позе лотоса. Глаза спокойно закрыты, руки мирно возлежат на коленях, грудь едва заметно колыхнется от легкого дыхания. Даже настойчивый звук Элькиного будильника не вывел его из состояния медитации, мысли текли плавно и неторопливо. Зато порхающая летучая мышка весьма спешила. Она с писком бесстрашно врезалась в плечо Гала и, уцепившись за тонкую ткань короткого застиранного халата, заверещала. Сосредоточение нарушилось. Гал рухнул вниз на плиты и выдохнул сквозь зубы всего одно, но очень емкое непечатное слово. Потом добавил еще одно, более цензурное с тяжелым вздохом: «Элька!»

Легко встав на ноги, воитель стряхнул пыль с полы халата, оторвал от своей груди продолжающую верещать мышь и решительным шагом направился к дому, в сторону окон спальни шутницы. Надо же, до чего додумалась: науськать на него зверька! Мыша, убедившись, что воин идет в нужном направлении, затрепыхалась следом.

– Элька! – громко и сурово, перебивая настырную мелодию будильника, позвал Гал.

Ответа не услышал, откашлялся, позвал снова, снова не дождался ответа и заглянул в окно. Босые пяточки, такие маленькие розовенькие пяточки Эльки, лежащей на полу лицом вниз, – первое, что бросилось в глаза Эсгалу. Уже не думая о приличиях и правилах, воин перемахнул через подоконник. Девушка скрючилась у стоящей рядом с кроватью маленькой тумбочки, из рассеченного виска сочилась кровь. Черная лужица успела собраться на темно-синем ковре.

Гал побледнел как смерть, только зеленые глаза с вертикальными зрачками, окаймленными радужным ободком, зажглись каким-то безумным огнем. Воин метнулся к Эльке, подхватил ее на руки и вихрем помчался по дому, взывая так, что содрогнулись стены коридора: «Мирей! Мирей!»

Громкими скачками он преодолел лестничный пролет и едва не вышиб дверь в лабораторию, где целительница, не испытывавшая никаких проблем с побудкой, с утра пораньше колдовала над каким-то особо полезным для здоровья составом.

Дверь с грохотом распахнулась, чуткая рука эльфийки дрогнула, и ценное зелье пролилось на кремовое платье Мирей, накрепко страхуя ткань от перспективы поноса.

– Что? – Глаза жрицы изумленно расширились при виде оборотня и его ноши.

– Исцели ее! – не то приказал, не то взмолился Эсгал, на вытянутых руках протягивая целительнице беспмятную девушку в коротенькой ночной рубашке. Головка жалко запрокинулась, кровь продолжала течь из рассеченного виска...

– Сейчас, минутку, положи ее на диванчик, – совершенно невозмутимо, будто не замечая полубезумного вида воина, отозвалась Мирей. Что удивительно, Гал беспрекословно повиновался. Уложил Эльку, отступил в сторону и сел у стены прямо на пол, сцепив руки в замок на коленях.

Жрица Ирилии поставила полупустой флакончик с желудочным зельем на стол и протянула к подруге тонкие пальцы. Золотистое сияние благословенной божеством силы охватило ладони эльфийки и стекло на бледное лицо больной. Секунда, другая, третья потянулись, как тягучая патока, вот прекратилась сочиться кровь, рассеченная кожа закрылась струпом, потом он отвалился, показывая красный, чуть припухший шрамик. Ресницы Эльки вздрогнули, она открыла глаза, от души чихнула и села, весело заявив:

– Привет, Мири, какой это гадостью у тебя тут воняет? Кстати, а чего я вообще тут делаю?

– Тебя с разбитой головой и без сознания сюда принес Гал, – улыбнулась эльфийка и почему-то кинулась на шею подруге, смеясь от облегчения, в ярких золотых глазах ее стояла подозрительная влага. – Хвала Ирилии, хвала Творцу за то, что я ее жрица!

Элька машинально обняла подругу, погладив по мягким, как шерсть котенка, длинным волосам. Почему-то, в отличие от ее собственных, недлинных, но лезущих всюду прядей, прическа никогда не мешала целительнице в работе. Элька скосила глаза в сторону и удивленно фыркнула, увидев Эсгала, неподвижно, будто статуя Будды-блондина, замершего у стены лаборатории.

– Ага, ясненько, я о тумбочку башкой шибанулась, а с ним-то что? Тоже ударился? И какая кувалда способна пробить голову нашего великого и ужасного?

– Ой! – Бурные эмоции жрицы чуть поутихли, когда она тоже перевела взгляд на воителя. – Он немного не в себе... Кажется, Гал очень-очень испугался за тебя... Я его таким никогда раньше не видела, даже там, на горе Арродрим, когда Темный сказал о Рассветном убийце...

– Так у него шок? – вторично удивилась Элька, бодренько спрыгнув с дивана, вот только ноги как-то подозрительно подкашивались, и подошла к другу. Опустившись рядом с ним на колени, заглянула в глаза, коснувшись своими руками мозолистых рук воителя, и задорно позвала:

– Эй, Гал, алле! Прием! Как слышно? Прием, прием! Я в норме! Приходи в себя и давай отчитай меня!

– Еще один комплекс упражнений на координацию, – сухо отозвался воитель и медленно моргнул.

Элька прыснула:

– Ну вот, Мири, все с ним в порядке, а ты говоришь...

Закончить Элька не успела, сильные руки воина схватили и крепко прижали ее к широкой груди. На секунду склонившись, Гал глухо попросил:

– Осторожнее, пожалуйста, будь осторожнее, если не ради себя, то ради других.

– Угм, сэнсэй, – трепыхнулась в железных объятиях непоседа и с прежним ехидством попросила: – Но, если ты не собрался придушить меня прямо здесь и сейчас, во избежание будущей нервотрепки, отпусти, а то дышать темно, воздуха не видно.

Гал едва слышно хмыкнул и разжал руки. Неунывающая хулиганка поднялась на ноги и укоризненно заметила, пожав плечами:

– И чего ты дергаешься? Ну, сознание потеряла. С кем не бывает...

– С тобой такое бывает часто? – Теперь уже, кажется, Гал испугался заново, чуть ли не сильнее прежнего.

– Нет, теперь нет. У Мирей замечательные травки, она мне классную настойку наметала, главное – не забывать пить! Так что все о'кей! Ладно, пошла я на завтрак одеваться, да и голову придется мыть, кровь, зараза, в волосах засохла! Увидимся! – широко улыбнулась Элька и исчезла за дверью.

– Элька чем-то больна? – едва за хаотической колдуньей закрылась дверь, надвинулся с расспросами на жрицу Эсгал.

– Нет, просто обычные женские дни у нее проходили тяжело, болезненные спазмы могли привести к кратковременной потере сознания. Но сбор валириссы меняет физиологию людей, делая родственной эльфам. Теперь Элька больше не мучается. – Целительница совсем не стыдилась столь интимной темы, отвечая подробно и по существу вопроса. А вот у Гала, стойкого воителя, которого, казалось, было ничем не пронять, на скулах зарозовели пятна.

Мирей же, чуть циничная, как любой хороший доктор, в вопросах физических, смущалась по-настоящему только тогда, когда дело касалось душевных переживаний. Она обыкновенно не считала себя вправе вмешиваться, но вот сейчас все-таки набралась храбрости и задала вопрос так же прямо, как воин:

– Гал, извини, может, это не мое дело, но почему ты не скажешь Эльке о своих чувствах?

Воитель смутился еще больше, чем при обсуждении вопроса женской физиологии, потом тяжело вздохнул и проронил с горькой усмешкой:

– А зачем это ей...

– Но, Гал... – нахмурила ровные дуги бровей чуткая эмпатка, не согласная с решением коллеги.

– Не надо, Мири, я ничуть не похожу на любимых Элькой вампиров, и... я чудовище куда большее, чем они все. Мне достаточно того, что могу быть рядом, пожалуйста, ничего не говори ей, я не хочу, чтобы она начала меня сторониться, – склонив голову, попросил он и, прежде чем жрица успела что-то добавить, быстро вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глава 1

Обреченная отдыхать

Едва Элька покинула изолированную лабораторию Мири, как ее чуть не сбило с ног ударной звуковой волной. Музыка, словно прилив, заполнила весь дом и продолжала усиливаться с каждым аккордом.

– Ой-ё! Будильник! – дошло до девушки, и она со всех ног поспешила к спальне, пока оглохшие Рэнд, Лукас и Макс не устроили над ней коллективный суд Линча.

У дверей в комнаты Эльки уже торчал вездесущий Фин и с любопытством заглядывал через порог. Никого другого поблизости не было. Завидев подружку, вор ухмыльнулся от уха до уха и прокричал:

– Приветик, чего у тебя эдак надрывается?

– Будильник! – заорала в ответ Элька.

– Добрая ты наша! Проснулся сам – разбуди коллегу? – понимающе покивал Рэнд, из голубых глаз исчезла легкая тревога, и заплясали лукавые смешинки. Взлохмаченные волосы девушки хорошо замаскировали слипшиеся темные прядки у виска, даже востроглазый вор не заметил следов травмы и не начал приставать с расспросами.

– Ага, а еще оглуши, – отозвалась Элька, наконец добравшаяся до изделия добросовестных мастеров Гирзы (не соврали умельцы, чтоб им икалось! – пока не выключишь, и в самом деле горланить будет так, что мертвого поднимет!), и шлепнула ладонью по узору на боку. Наступила блаженная, даже какая-то звенящая тишина. Впрочем, тут же нарушенная ликующим писком Мыши, спикировавшей с балдахина на грудь хозяйки. Элька машинально погладила преданного зверька.

– Экая ты коварная, – привалившись к косяку, уважительно протянул Фин и в самом деле поковырял в ухе, будто пытался вытрясти из него намертво застрявшие звуки. Бедный полуголушенный крыс, только сейчас выбравшийся из-за пазухи хозяина, пискнул что-то солидарное с его мнением.

– О, моему коварству вообще нет предела, еще, что ли, разок завести, а то только ты прибежал, – хихикнула Элька, переставляя злополучную тумбочку в выбранный угол. Испачканный кровью ковер уже был очищен заботливой магией дома.

– Ха, а смысл? Лукас дома не ночует и Рогиро с собой прихватил на экскурсию в какой-нибудь очередной «музей», метаморфы опять по поручениям Совета в мирах шустрят, хорошо, если завтра к утру вернутся, Мирей в лаборатории, а Макс у своих машин вообще ничего не слышит. Вот почему Гал не пришел, не знаю, он обычно первый успевает, чтоб тебе чего-нибудь приятное прямо с утра сказать! – дал развернутую справку почти вездесущий и всезнающий вор и весело подмигнул подруге.

– Ты собиралась мыть голову и переодеваться, поторопись, а то опоздаешь на завтрак, – возникнув неожиданно и абсолютно бесшумно сбоку от Рэнда (тот невольно вздрогнул), сурово напомнил воитель и, сочтя миссию исполненной, двинулся прочь.

– Да, насчет приятного с утра ты прав, Гал всегда первый, – поддакнула Элька и отправилась исполнять ценное «приказание».

Так что на завтрак она все-таки успела почти вовремя. Коллеги продолжали рассаживаться за столом, когда в столовую влетела немного влажная после душа, сияющая веселой улыбкой Элька в очередном коротком, едва прикрывающем причинные места, безобразии, условно претендующем на звание платья.

– Всем привет!

– Bonjour, мадемуазель! – расслаился ответной улыбкой рыжий франт мосье Д'Агар.

Элька не утерпела и, повиснув на шее у инкуба, звучно чмокнула его в щеку, заодно прошлась пальчиками по волнистой рыжине, погладила теплые рожки, едва заметные в буйном пламени шевелюры, и похвалила золотисто-зеленый, скорее, пожалуй, золотистый, чем зеленый, камзол:

– Как всегда, ослепителен!

– Я, между прочим, тоже красавец! Вот и Рэт подтвердит! – не утерпев, встрял Рэнд и прищелкнул пальцами, подавая условный знак крысу. Дрессированное животное ответило согласным писком.

– А еще мосье Фин чрезвычайно скромен, – очень вежливо согласился Лукас, занимая свое место за столом, накрытым скатертью-самобранкой.

– Ой, у меня столько достоинств, – поддакнул вор, опустив очи долу, – что я уж и сам их все упомянуть никак не могу.

Компания не выдержала и от души расхохоталась, а Рэнд, присаживаясь рядом с Элькой, продолжил:

– Мы все на редкость замечательные, уникальные и великолепные, я вот думаю, Совет богов вообще должен нам платить уже за то, что мы есть на этом свете!

– Давай напишем им по этому поводу петицию, – с улыбкой предложила Мирей.

– А смысл? Все равно нам скинут, они ж там, похоже, вообще ничего не читают! Может, неграмотные? – фыркнул вор и, прекратив паясничать, принялся обстоятельно заказывать на завтрак запеканку с кучей всяких джемов, варений и почему-то соусов.

Элька тоже открыла было рот, чтобы попросить любимых булочек и кофе, когда Гал огласил очередной категоричный приказ:

– А тебе гречку с говядиной и гранатовый сок.

– За что? – так жалобно, будто ей раскаленный прут к голой коже приложили, взвыла несчастная. – Я же даже не опоздала!

– Ты упала, расшибла голову, потеряла много крови, эти продукты помогут как можно скорее поправиться, одной целительной силы Мирей недостаточно! – сурово объяснил воитель, заложив пострадавшую в неравной битве с тумбочкой Эльку со всеми потрохами. – К тому же, тебе сегодня надо отдохнуть. Координация хромает, а колдовать, едва оправившись, вредно!

– Что-о-о? Какой отдых? – От возмущения Элька едва не свалилась со стула, пока предательница-самобранка, принявшая заказ воителя, шустро метала на стол «деликатесы».

– Мосье Эсгал, как это ни прискорбно, *ma chere*, не ошибается. Магия, даже хаотическая, не прощает расхлябанности, неловкости и ошибок! – аккуратно придерживая крохотную чашечку кофе, уверенно подтвердил мосье Лукас и озабоченно поглядел на коллегу. То ли сканировал ее каким-то заклятием, проверяя, нет ли утечки мозгов, то ли беспокоился о буре, которую обиженная колдунья могла учинить здесь и сейчас.

– Элька, они правы, – сочувственно поддакнула Мирей, просительно сложив ладошки, – я как целительница говорю, тебе лучше хотя бы денек отдохнуть! А завтра ты будешь совсем-совсем здорова! Я вечером тебя еще разок полечу!

– А я, когда головой ударился, потом неделю за машиной долго работать не мог, стоит чуток посидеть, так в висках стучать начинало, – будто бы про себя и между делом, но весьма кстати, вставил Макс и, промахнувшись мимо бадейки с какао, потянул на себя один из горшочков с кашей. Поспешно, пока коллега не выпил нелюбимой манки, жрица, подсунула ему нужную посудину.

– Чего ты злишься-то? Отдохнешь денек, пока мы пахать на Совет будем, если что забавное приключится, расскажем, и в зеркале посмотришь, а коль твоя помощь понадобится, отложим работу до завтра и другую депешу разберем, – подбодрил подругу Рэнд и весело ей подмигнул.

Макс сострадательно смотрел в чашку с какао, Мирей – прямо в глаза подруге просительно, но с готовностью перейти от дружеских уговоров к врачебным приказам, Фин сочувствовал, но и поддерживать желания Эльки во что бы то ни стало работать вместе со всеми не собирався, Лукас улыбался, но почесывал бровь – верный признак неодобрительных раздумий, Гал сверлил непослушную коллегу хмурым зеленым рентгеном.

– Вы все сговорились, – печально констатировала хаотическая колдунья, сдавшись перед таким единодушием команды без привычного упрямства, и с надеждой спросила: – Но съесть-то что-нибудь более вкусное можно?

– После гречки, – великодушно разрешил суровый Гал и так посмотрел на Эльку, что она поняла: еще один отказ, и ее свяжут, а потом начнут кормить с ложки, как малое дитя.

– Н-да, типичный зануда, объяснить, почему я не хочу, тяжелее, чем согласиться, – вольно перецитировала проказница кусочек фриivolного анекдота под понимающие смешки Фина и Лукаса и с демонстративной неохотой взялась за вилку.

Вот так и получилось, что вся компания божьих помощников отправилась после трапезы в зал совещаний, к пухлой папке с посланиями из сотен миров, жаждущих помощи, а Элька, отчетливо чувствуя себя единственной девочкой из класса, которую не взяли в кино, в гордом одиночестве (Мыша не в счет) поплелась к себе в комнаты. Отдохнуть!

Однако уныние было глубоко чуждо ее оптимистичной, деятельной натуре. Очень быстро Элька решила, что проводить внеплановый выходной, сидя в четырех стенах и дуясь на Вселенную за несправедливость, совершенно бездарная трата жизни! И вообще, ей велели укреплять здоровье! А что лучше положительных эмоций способствует выздоровлению? Не гречка же? Элька быстро нашептала Мыше пару словечек и подкинула зверушку в воздух. Та исчезла, а Элька кинулась к шкафу одеваться на прогулку. В какие края? Конечно же в любимый Фалерно!

Уже через несколько минут симпатичная юная блондинка в удобных туфельках-балетках, маленьком топике и укороченных голубеньких брючках, помахивая сумочкой на ремешке-цепочке, шла быстрым шагом по разноцветным камешкам городской мостовой. Куда? А как Творец на душу положит.

Где только не побывала и чего только не повидала Элька: лавочки с книгами, благовоениями, украшениями, музей «Поющие камни», где скульптуры действительно пели, Театр масок, в полутьме сцены которого разыгрывались изумительные, словно ожившие черно-белые фотографии, короткие сценки, зоомагазин с маленькими дракончиками, дикати, саламандрами вперемешку со вполне обычными кошками, собаками, птицами феникс, вещуньями и банальными попугаями. Внимание туристки привлекали даже уличные менестрели и творцы иллюзий. Слишком долго жившая в мире, лишенном магии, она все еще продолжала по-детски удивляться и восторгаться искусству волшебных картинок.

Словом, как обычно, Элька с жадным наслаждением поглощала разнообразные впечатления, покупала безделушки и сама не заметила, как успела проголодаться. Хотя, вставая из-за стола, за которым была вынуждена умять здоровенную тарелку гречки, была уверена, что не возьмет в рот ни кусочка до самого ужина.

Соображая, где бы заморить червячка, пока он не превратился в целую анаконду, Элька закрутила головой. Ага! На фасаде здания, окруженного небольшим сквериком с фонтанчиками и крохотными декоративными фонариками, имелась вывеска: «Волшебный вкус». «Может, это о еде?» – понадеялась Элька на ассоциативное сходство мышления с владельцем заведения и поспешила проверить.

Дверь из какого-то белого дерева с едва намеченной резьбой открылась в помещение, где витали такие ароматы, что девушка невольно сглотнула слюну. В большой зале странной, какой-то амебообразной (чем больше толстых ложноножек, тем успешнее эволюция) формы

стояли столы и столики, накрытые белым кружевом скатертей, и стулья светлого, почти белого дерева, обитые белой кожей. То тут, то там за ними сидели посетители и кушали.

«Угадала!» – расплылась в довольной улыбке хаотическая колдунья и прошла к маленькому столику у большого окна, окаймленного декоративным полупрозрачным геометрическим витражом.

Официант – мужчина средних лет и совершенно средней средиземноморской, на взгляд Эльки, внешности – возник по правую руку от клиентки почти мгновенно, отвесил легкий приветственный поклон и вежливо уточнил:

– Не угодно ли сделать заказ, леди волшебница?

«Надо же, какой проницательный! И как он просек, что я хаотическая колдунья?» – мимолетно удивилась Элька и на всякий случай огляделась по сторонам, вдруг успела чего-нибудь натворить. Но нет, кажется, все было вполне спокойно и мило-благопристойно. Если непредсказуемый талант и проявил себя, то как-то очень незаметно.

– Я хочу пообедать, – весело улыбнулась она предупредительному и проницательному официанту, решительно захлопывая толстенное меню с великолепными (кажется, они еще и пахли, если задержать взгляд) картинками. – Без лука, капусты, чеснока, гречки и гранатового сока. Во всем остальном полагаюсь на ваш вкус: супчик, мясо или рыбку с гарниром, пару-тройку салатиков, сладкое, а попить – какой-нибудь кисло-сладкий сок. И кстати, где у вас можно сполоснуть руки?

– В правой стороне залы за ширмой-окном ступени вниз, леди волшебница. Я позабочусь о вашем заказе! – Официант поклонился и исчез из поля зрения.

Элька, беспечно бросив сумочку на стул, двинулась в указанном направлении для гигиенических процедур. Омыла в ароматной текучей водице ладони, вытерла их пушистым полотенчиком из ровной стопочки и поднялась в зал, искренне надеясь, что какая-нибудь часть заказа уже ждет изголодавшуюся клиентку. Из-за столика по левую сторону недалеко от ширмы как раз поднимался высокий и очень худой темноволосый мужчина со странными глазами. Они словно были залиты чуть подкрашенным синькой молоком. Но, судя по тому, как уверенно двигался странный человек в длинной не то сутане, не то мантии, он не был слеп.

– Сильдин! – воскликнул он, когда Элька проходила мимо.

«Знакомое имя, где-то я его уже слышала, кажется, Лукас что-то говорил...»

Рассуждения были прерваны самым бесцеремонным образом. Странный тип в сутане схватил Эльку за только что вымытую ручку и, потряхивая ее так, будто всерьез собрался оторвать и прихватить с собой как сувенир, снова рьяно заорал в самое ухо:

– Сильдин, неужели это ты! А говорили, погибла! Значит, эксперимент удался? Выходит, Каеркор напрасно себя корил и всю работу позабыл-позабросил!

– Извините, вы ошибаетесь или с кем-то меня путаете, – ответила Элька, малость ошарашенная таким напором. Она очень сомневалась, что в такой манере здесь, как на Земле, работают нахальные карманники («здравствуй, старый знакомый – извините, обознался – прощай, денежки»), но какого рожна надо этому чокнутому, даже не догадывалась.

– Я не могу путать! – возразил странный тип и привел очень странный аргумент: – Я же тебя вижу!

Компаньонка странного типа, пожилая, но неплохо сохранившаяся женщина в строгом черном платье, с на редкость короткой, буквально тифозной стрижкой, встала из-за стола и тихо заметила, кладя руку на предплечье странного мужика:

– Мар, я помню, как выглядела Сильдин, это не она. Прости Марликана, надеюсь, он не сильно напугал тебя, деточка?

– Нет, конечно... – удивившись столь странному предположению (как можно пугаться такого чудика, вам бы сердитого Гала показать, чтоб дурацких вопросов не задавали!), фырк-

нула Элька и хлопнула себя по лбу. – А, блин! Я вспомнила, кто такая Сильдин! Это та волшебница-книжница, которая при неудачном эксперименте погибла, мне рассказывали! Только я точно не она!

– Ты Сильдин! – замотал головой не убежденный ни Элькой, ни своей сотрапезницей чужак, все еще не отпуская руки девушки, благо хоть трясти перестал. – Я не могу ошибиться! Твое искристое серебро и синеву плетения ни с чем не перепутаешь! Да, теперь еще радужные искры по окоему проскакивают, но основа все та же!

– Вот как! – покачала головой пожилая дама и, вздохнув, пояснила: – Марликан особенный, он воспринимает мир иначе, чем мы, видит не лица и тела, а ауры, тонкие структуры созданий, если он говорит, что ты Сильдин... Значит, ты, по крайней мере, некогда действительно была ею.

– Хм, может, и так, но теперь я – Элька, хаотическая колдунья, – представилась Элька и глубокомысленно прибавила: – Голодная хаотическая колдунья!

– А-а-а! Вот оно что! – неизвестно чему обрадовался, буквально рассиялся обладатель специфического взгляда на мир, все-таки прислушивавшийся к женскому разговору. – Значит, у тебя получилось соединить силу магии и силу желания! На самом деле получилось, напрасно коллеги сомневались в тезисах...

– Но нам не следует донимать незнакомку. Если память прошлой жизни не подвластна сознанию, значит, так суждено Силами Судьбы, и преступать их волю не должно, – мягко вмешалась женщина, потянув увлекшегося спутника за рукав. – Поспешим, тебе пора начинать лекцию, а ей обедать.

– Да-да, ты права, Ларуна, – чуть поник белоглазый, как ненаигравшийся пес, которого позвали с прогулки домой. Вздохнул, отпустил наконец чужую конечность и просительно сказал: – А ты, Силь, даже если не вспомнишь о былом, но просто пожелаешь поговорить, приходи в Высокий Университет на кафедру магической философии, спросишь магистра Мара.

– Обязательно, – широко улыбнулась Элька, никогда не отказывавшаяся от новых впечатлений, и невольно поморщилась от острой боли, прострелившей пострадавший утром висок. Причем слабая боль эта заметно усиливалась, стоило только задуматься о своей былой жизни. Может, и Лукас тогда, когда вел речь о Зеркале Истинного Зрения, и эта женщина сейчас говорили правду: то, чего знать не положено, действительно лучше не знать? Во всяком случае, до тех пор, пока даже мысль о знании отзывается такой дикой болью, что еще чуть-чуть, и как бы не пришлось бежать к Мирей за помощью!

– Буду ждать, – кривовато и в то же время обаятельно улыбнулся в ответ Мар.

Пара собеседников сделала несколько странных жестов руками и исчезла из зала. Поскольку никто из официантов не кинулся к опустевшему месту с криками: «Куда?! А счет?!» – Элька решила, что такого рода уход в здешнем заведении в порядке вещей, и вернулась к своему столу, изо всех сил стараясь не думать о сногшибательных новостях. Пульсирующая боль в подраненном виске была лучшим стимулом поиска новых тем для размышлений. Первейшим способом отвлечения девушка всегда считала ворох зрительных впечатлений.

Уплетая салат, очень похожий на оливье вперемешку с грибами, и гадая, многие ли из здешних клиентов в ладах с магией, Элька откровенно глазела по сторонам. Народу в ресторане хватало, но из-за хитрой конструкции помещения и расположения столов никакой скученности и шума не было. До Эльки долетал лишь едва слышный, как слабый звук прибора, шорох голосов. Это не беспокоило, а скорее, напротив, несло успокоение.

Вот дверь в ресторан открылась, и вошел тип, мгновенно приковавший все внимание легкомысленной колдуньи. Здоровенный, кажется, даже выше Гала, с бело-серыми, не седыми, явно не седыми, а естественного цвета, волосами, яркими серебристо-серыми гла-

зами, вернее, одним глазом, второй прятался под черной повязкой, широкоплечий, но вовсе не массивный, он плавным шагом двинулся в глубь зала. Камзол тонкой кожи подчеркивал весьма соблазнительную, на вкус Эльки, фигуру, высокие сапоги-ботфорты обхватывали мускулистые ноги, серое кружево рубашки не скрывало длинных, крепких пальцев без перстней.

Глава 2

А в ресторане, а в ресторане

Элька нахально глазела на эффектного типа, излучавшего некую силу, подобную сжатой до отказа пружине. И ее внимание не осталось незамеченным.

– Что? – почему-то недобро сощурил глаз незнакомец, резко остановившись перед столом Эльки.

– Извините. Просто люблю смотреть на красивых мужчин, – раскаялась она, обязательно улыбнулась и затрепетала ресницами.

– Только смотреть? – неожиданно усмехнувшись в ответ и явно расслабившись, кажется, он ждал чего-то совершенно другого, уточнил незнакомец.

– Если бы я начала трогать, то, боюсь, была бы неправильно понята, – искренне пожалела Элька, которой вусмерть хотелось погладить странные волосы собеседника и пощупать кожу камзола. Вот Гал почему-то никогда так не одевался. Все его костюмы были добротными, чистыми, кажется, даже глаженными, где надо, но ничуть не эффектными.

– Составить компанию? – запросто предложил красавец, положив руку на спинку свободного стула.

– Садись, места хватает, – в тон предложению кивнула Элька и нахально уточнила: – А ты кто?

Каким-то едва уловимым движением собеседник крутанул пальцами стул, с плавной быстротой начал опускаться еще раньше, чем тот закончил вращение, и сел ровно в тот миг, когда сиденье оказалось под ним.

– Кто? Тебя интересует имя? – хмыкнул новый сосед по столу.

– Нет, это не принципиально, я про расу. У тебя волосы странные и повадка, – озадаченно нахмурилась непосредственная девица, сунув в рот очередную порцию салатика, пытаюсь сообразить, кого напоминает ей сероволосый тип.

– Попробуешь угадать? – прищурил глаз незнакомец, уже вовсю наслаждавшийся нестандартной беседой.

– Оборотень? – интуитивно, а быть может, ориентируясь на некоторое внутреннее сходство восприятия незнакомца и Эсгала, предположила хаотическая колдунья. Уловила намек на согласный кивок головы, и продолжила: – Только вот какой? Я не знаю!

Неслышно возник официант, незнакомец на мгновение отвлекся и щелкнул пальцами по выбранным пунктам меню, потом закрыл его и, скорее оскалившись, чем улыбнувшись, заявил:

– Я форвлак. Слыхала о таких?

– Да! – радостно улыбнулась хаотическая колдунья, только что в ладошки от удовольствия не захлопала, как поступала частенько. – Это кто-то вроде больших-пребольших волков из темных миров, они часто бок о бок с вампирами живут.

Оборотень оторопело моргнул, видно, опять не ожидал такой реакции на шокирующее признание, а неугомонная Элька, азартно посверкивая глазами, уже тараторила дальше: – А шкура у тебя какого цвета, когда оборачиваешься? Как волосы – серо-белая или другая?

– Ты что, вообще ничего не боишься? – фыркнул малость опешивший собеседник, откинувшись на спинку стула.

– Боюсь, только не оборотней. – Неожиданно Эльке подумалось о том, что боится она и впрямь только одного: проснуться однажды и понять, что вся ее жизнь от волшебной минуты встречи с парочкой метаморфов не более чем восхитительный сон. – А тебя чего же бояться? Ты ведь не Лихо одноглазое!

– Кто это? – заинтересовался форвлак, инстинктивно чуя возможного конкурента.

– Злой дух, приносящий несчастья, из мифологии моего мира. Считается, как глянет на тебя Лихо одним глазом (второго у него нет в принципе), так только проблемы впереди, добра не жди, – дала справку Элька. – Причем пол этого злодея мифология точно не определяет, поэтому он просто ОНО.

– Забавное создание, – резюмировал увлекшийся разговор оборотень и неожиданно представился, положив руку на ремень брюк около пряжки: – Я – Фельгард, и совершенно точно мужчина.

– Элька, – доброжелательно улыбнулась Элька, понимая, что ей назвали имя. Наемная работница Совета богов уже совершенно перестала жалеть о своем внеплановом выходном, принесшем целый ворох потрясающих впечатлений и интригующих встреч.

Пока новые знакомые беседовали, принесли горячее для девушки и заказ форвлака – едва прихваченный огнем бифштекс, салат и вино. Элька задумчиво покосилась на бутылку и попросила официанта добавить к десерту рюмочку шоколадного ликера. «Гулять так гулять, два без сиропа!» Пусть коллеги знают, до чего довели бедную «больную», а что Элька себя вовсе больной не ощущает, это дело десятое! Пусть им будет стыдно! И вообще вино полезно для крови, так, значит, и ликер тоже!

– Шкура такого же оттенка, как волосы. – Усмехнувшись, оборотень коварно, с явно интимным подтекстом поинтересовался: – Это все или еще что-то хотела спросить?

– А ты не обидишься? – предварительно уточнила Элька, прикусив губку.

– Спрашивай, не захочу, отвечать не буду, – снова не то фыркнул, не то рыкнул Фельгард.

– У тебя правда глаза нет? – прямо в лоб, точно обухом по голове, тюкнула «очень романтичным и тактичным» вопросом Элька.

– Нету, – мрачно отозвался не в добрый час севший за стол болтливой девицы форвлак.

– А почему, если ты оборотень, не вырастил новый? Или недавно пострадал? – В голосе девушки мешалось сочувствие и исследовательский интерес, но не было ни капли подленькой, унижающей жалости и издевки, может, только поэтому мужчина неожиданно для себя снизошел до скупого ответа на вопрос, который не простил бы никому:

– Рана старая, эльфийская зачарованная стрела. Наша сила ее не берет.

– Понятно. – Элька всерьез задумалась, машинально отправляя в рот кусочки жаркого под пряным соусом. – А эльфийской магией лечить не пробовал?

– Что??? – почти поперхнулся своим куском полусырого мяса Фельгард и пронзил болтушку серым взглядом единственного ока, точно собирался пусть не сглазить, как Лихо, но основательно пришить к месту. – И какой же эльф стал бы меня лечить, девица? Даже если эти остроухие болваны сами на границу владений Господина Темной Крови набег устроили, я у них все равно виноватым буду при любом раскладе.

– Неужели за деньги нельзя купить врачебную помощь настоящего целителя, имеющего практику где-нибудь в свободном городе? Не только же эльфы своей магией владеют. Истинному врачу должно быть безразлично, как ты пострадал, – предположила Элька, подходя к вопросу с практичностью бывшей жительницы урбомира.

– Те, кто соглашается помочь, силой снять проклятие не обладают, – буркнул Фельгард, все-таки признаваясь в тщетных и оттого еще более унижительных попытках. – Говорят, нужно особое благословение.

– Понятно, – снова погрузилась в размышления колдунья, соображая, есть ли шанс помочь симпатичному форвлаку. Ведь должна же быть на свете толика справедливости. Если этот тип не соврал и лишился глаза в приграничной стычке...

– Моя дорогая, я вижу, ты не скучаешь, – промурлыкал, возникая прямо в зале, рядом со столиком, хороший Элькин знакомый, почти друг, в черно-синем импозантном камзоле

с бриллиантами пуговиц, серебром цепочек и белой пеной кружев рубашки. Мыша-проводница перепорхнула к хозяйке на запястье и снова стала невидимой.

– Ильдавур! – радостно встрепенулась Элька и вскочила, метнувшись в распахнувшиеся с готовностью приветственные объятия вампира. Приобняв ее одной рукой и запечатлев на запястье подруги поцелуй, Господин Темной Крови перевел взгляд на оборотня:

– Лорд Фельгард? Приветствую!

– Ой, вы знакомы! Вот здорово! – еще раз обрадовалась Элька и потянула приятеля к столу. – Садись же с нами!

– Лорд Кар, – кивнул форвлак и уточнил, думая, как некогда Ильдавур, что нашел отгадку нахального бесстрашия девушки: – Это очаровательное создание – ваша возлюбленная?

– Не-а, мы просто приятельствуем, у нас затянувшийся конфетно-букетный период и исключительно платонические отношения, – захихикала в ладошку довольная комизмом ситуации Элька, повторяя ставшее традиционным определение своих отношений с вампиром. – Я бы, может, и не против чего-то посерьезнее, но Гал психовать будет, бедняга. Очень он почему-то вампиров не любит.

– Кто такой Гал? – машинально переспросил Фельгард, едва не захлебнувшийся под приливной волной слов.

– Она о Рассветном убийце, своем хорошем друге, – скупно обронил Ильдавур и аж прижмурился, предвкушая реакцию оборотня. Сам-то он уже успел пережить и первый шок от личной встречи с Эсгалом, и даже последнее абсурдное, но от этого не менее правдивое объяснение юной подруги, касающееся того, кто и почему позаботился о закрытии сезона охоты на великий ужас темных миров, объявленного «Южной Звездой».

– Огхм, – закашлялся форвлак.

Элька заботливо постучала его по спине, заодно и камзол кожаный потрогала. Супер, где бы такого же качества кожу на брючки и жилетку надыбать? Может, Лукас подскажет? Порой она консультировалась с элегантным мосье по кое-каким вопросам моды. Инкуб бывал в курсе не только мужских новинок, но и последних тенденций в дамских туалетах. Наверное, потому, что ему частенько приходилось извлекать своих многочисленных пассий от одеяний. Тут уж поневоле ознакомишься с кроєм и фасоном.

Тем временем принесли десерт, Ильдавур заказал себе бокал красного вина, и собеседники собрались продолжить общение, когда тонкая тень заслонила льющийся из окна дневной свет.

– Дева, остерегись, неужто не зришь ты, с кем делишь вино и пищу? – У окна встала тонкая, какая-то хрустально-звонкая (и как только через нее свет насквозь не шел по законам преломления?) эльфийка, чей лик был серьезен и строг. Зато одежда! Легкие голубые и зеленые одеяния, вроде бы многослойные, но почему-то почти прозрачные, не оставляли вопросов касательно телосложения, вернее, теловычитания дивнорожденной. Гал бы точно сделал Эльке замечание, надень она что-то подобное, впрочем, что бы Элька ни надела, Гал все равно делал ей замечания, и эта традиция по-своему уже стала дорога сердцу юной колдуньи. А женщина с острыми ушками закончила свое воззвание патетичным лозунгом: – Монстры есть суть их!

– Ага, я знаю, зато какие красавчики, – расплылась в довольной улыбке Элька и с наслаждением эстетки, созерцающей выставку шедевров мировой живописи, оглядела еще разок своих сотрапезников.

Высокоморальная эльфийка озадаченно сдвинула брови, Фельгард и Ильдавур переглянулись и хором промолчали, решив до конца насладиться представлением.

– Фальшивые краски не должны затмить голоса разума, дева, ступай со мной, отринь притягательную песнь изначальной тьмы, – решившись на второй заход, воззвала эльфийка, простирая над столом руки.

– У меня еще десерт и ликер остался, я кушаю, – терпеливо ответила Элька и добавила, не желая устраивать скандал в заведении с такой превосходной кухней (вдруг запретят приходить), максимально учтиво, немного подражая Лукасу: – Как мне объяснили друзья, Виеста – вольный мир. Здесь есть место любому, соблюдающему его законы. Да, мои спутники – монстры, по твоей мерке, прекрасная дочь Дивного Народа, но они куда большие джентльмены, чем ты, Светлая леди. Видишь, сидят смирно и молча слушают оскорбления, вместо того чтобы послать тебя на три веселых буквы в... лес бабочек ловить.

Фельгард не выдержал и гулко захохотал, стуча ладонями по столу так, что зазвенела посуда, тонко улыбнулся Ильдавур, Элька укоризненно протянула:

– Ну чего вы смеетесь? Тетя хотела как лучше, не ее вина, что она неверно истолковала происходящее.

Хаотическая колдунья подняла взгляд на эльфийскую дочь и добавила:

– Извини, спасибо за заботу, но я уже достаточно взрослая, чтобы самой выбирать компанию и, если не повезет, огребать за свой выбор по полной программе.

Эльфийка смерила Эльку скорбным взглядом зеленых искристых очей, гордо развернулась и в молчании поплыла прочь. Только колыхались шелка вокруг тощенького тельца. Вероятно, дама решила более не тратить времени на безвозвратно погубленную тьмой развращенную душу.

– Уф! – выдохнула «безвозвратно погубленная», пригубила ликера и, машинально скользя пальчиком по ободку бокала, призналась: – Я уж думала, придется ей нахамить, чтобы отмоталась. У меня что, на лбу написано: «Нуждаюсь в наставлениях и опеке»? А? Скажите только честно, если написано, надо срочно эту надпись стирать, а то Гал уже заколебал, а теперь еще и эта...

– У тебя на лбу написано: «Юная доверчивая авантюристка, ищу неприятности», – с доброжелательной насмешкой в голосе просветил собеседницу Фельгард.

– Что, Иль, правда? – жалобно вздохнула Элька и ойкнула от неожиданности, когда блуждающий по фигурной кромке хрустального бокала палец соскользнул и окрасился кровью. – Блин-тарарам, ну что сегодня за день такой! О сколотый край порезаться угораздило, и скола-то не видно без лупы, а зацепило! – в сердцах воскликнула она и собралась было сунуть палец в рот.

– Подожди, – остановил ее вампир изящным жестом, – я могу исцелить!

– Ой, точно! У вас же в слюне коагулянт и антикоагулянт по выбору содержится, жаль, что тебя утром со мной не было, – спохватилась девушка и без промедления доверчиво протянула пораненный пальчик Господину Темной Крови.

– Что с тобой приключилось утром? – любопытствовал он, бережно обхватывая запястье Эльки и приближая ранку ко рту.

– Я о тумбочку спросонья крепко звезданулась, пока Гал меня нашел и к Мирей оттащил, крови натекло. Такое вот бездарное разбазаривание ценного продукта! Хорошо хоть заклятие чистоты действует, а то бы еще и ковер оттирать пришлось или выбрасывать... – щебетала Элька, пока Ильдавур, чуть склонив голову, под завесой полночных кудрей аккуратно слизнул сочащуюся живительную влагу и замер, точно громом или заклятием столбняка пораженный.

Почувствовав, как закаменело тело вампира, Элька испытующе уточнила:

– Уже все?

Не получив в ответ ни движения, ни звука, переспросила, трепыхнув зажатой, точно в каменных тисках, рукой, и второй, свободной, бесцеремонно подергала за прядь волос вампира:

– Эй, Иль, что случилось? Моя кровь столь отвратительна на вкус, что тебя мутить начало? Позвать официанта, пусть тазик поскорее принесут?

– Нет, – односложно выдохнул Господин Темной Крови.

Он очень медленно отмер, выходя из своей неподвижности, и разжал пальцы, бережно, будто хрустальную, отпустив конечность «пациентки». Глаза вампира, обыкновенно просто очень красивые, синие, сейчас, кажется, переливались на свету, как драгоценные камни великолепной огранки. Элька тут же повернула освобожденный палец пораненным местом, покрутила перед глазами и весело удивилась:

– Вот здорово, даже шрама не осталось! Теперь, если где поранюсь, буду к тебе на лечение бегать!

– Не стоит, – медленно проговорил Ильдавур Кар и подчеркнуто серьезно попросил, переплетая аристократичные пальцы с длинными, крепкими и очень острыми ногтями: – Дорогая моя, послушай внимательно. Это очень важно!

– Да слушаю, слушаю, к чему такое вступление? Ты же не лектор, я тебя всегда слушаю и даже заснуть ни разу не пыталась, – удивленно откликнулась Элька, вдохновенно применяющаяся к воздушному пирогу.

– Твоя кровь очень необычна. Необычна настолько, что способна пробудить неумную жажду любого вампира, заставить его полностью утратить над собою контроль. Мне стоило труда удержаться от желания осушить тебя полностью, едва отведав каплю. Возможно, вкуси я живого тока, остановиться бы не смог, – не без мрачности проинформировал Ильдавур свою неопытную и безмерно наивную приятельницу. Признаваться в утрате самоконтроля было неприятно, но необходимо: он клялся Тьмой в безопасности девушки перед Рассветным убийцей, да и симпатична была ему Элька, бесцеремонно отвоевавшая изрядный кусок холодного сердца древнего циничного вампира, быть может, тем, что так охотно впустила его в душу сама, без всяких требований и ожиданий.

– Вот засада... – тяжело вздохнула девушка, расстроенная столь интригующим известием, и отправила в рот здоровенный кусок пирога для скорейшего склеивания разбитого сердца. – Значит, на амур с вампирами мне рассчитывать нечего. То-то Гал возликует...

– Переключайся на оборотней, меня, к примеру, аромат твоей крови с ума не сводит, – вальяжно откинувшись на спинку стула, посоветовал Фельгард, улыбнулся совершенно невинной, демонстративно невинной, улыбкой и почесал себя за ухом.

– Блохи? – столь же невинно, как улыбка форвлака, любопытствовал уязвленный Ильдавур.

– Нет, не страдаю, ибо омовения и прочие гигиенические процедуры, мой лорд, совершаю регулярно, – с намеком на рычание в голосе пояснил оборотень, тряхнув такой роскошной гривой волос, что заведись там все-таки блохи, бедняжки непременно заблудились в дебрях безвозвратно, без шанса найти себе пару для продолжения рода.

– Лапки мыли, ушки мыли, даже хвостик не забыли, и вообще мы чистые, монстрики пушистые, – почему-то неожиданно вспомнился и перекроился в тему старый детский стишок про зайчат. Элька звонко рассмеялась, не запрокидывая голову, чтобы не нервировать Ильдавура, а уронив ее на руки.

Даже звук упавшего стула и какое-то не то тьяканье, не то кашель, не прервали веселья. А когда девушка закончила хохотать и вскинула головку, то на мгновение онемела от неожиданности. Рядом с упавшим стулом стоял здоровенный, ростом почти с Эльку, серобелый волчара.

– Ва-а-а! Ух ты! – восхищенно выдохнула она. – Это и есть форвлак?! Какой красавец, а чего это ты прямо в ресторане решил перекинуться? Демонстрируешь несомненные достоинства оборотней на публике в рекламных целях?

Элька скосила глаза вниз на «несомненные достоинства», чуть-чуть покраснела и предпочла изучать прочие параметры великолепного экстерьера. К примеру, лобастую и вместе с тем изящную голову, алую пасть с белоснежными, словно из рекламы зубной пасты, клыками, широкую грудь, высокие мощные ноги и редкостной пушистости хвост. Да и сама шерсть Фельгарда отличалась удивительной красотой, густотой и своеобразным отливом. Если б оборотня сейчас увидела известная меховая маньячка Круэла де Виль, прославленная Диснеем, ни о каких далматинцах дамочка более не помышляла бы, тихо сходя с ума от невозможности заполучить шубу из форвлака!

– Полагаю, виной превращения твоя хаотическая магия, моя дорогая леди, – поправил вампир, сдерживая смех. За время общения с Элькой он уже почти успел привыкнуть к неожиданным проявлениям волшебной силы, почти...

– Ой! – виновато заморгала безалаберная колдунья. – Извините, я не нарочно!

Вокруг тела оборотня знойным маревом задрожал воздух, и вот уже огромный зверь стал высоким и весьма озадаченным мужчиной.

– Вот как? – возвратив себе человеческий облик, недоверчиво рыкнул форвлак, подхватывая опрокинутый стул и присаживаясь. – Как это можно колдовать не нарочно?

Фельгард счел, что над ним элементарно издеваются, пользуясь покровительством Господина Темной Крови и Рассветного убийцы. Как странная девица умудрилась заполучить двух таких приятелей, озадачивало форвлака, но не настолько, чтобы он перестал гневаться. Однако, прежде чем Элька начала отвечать, плавному течению беседы снова помешали.

– Дорогие лорды, леди, администрация «Волшебного вкуса» просила бы вас воздержаться от изменений обличья в пределах трапезной залы, дабы не смущать иных клиентов нашего ресторана с безупречной репутацией, – очень вежливо обратился к компании подошедший официант и согнулся в полупоклоне.

– А может быть, в заботах о поддержании репутации ресторана администрация для начала возьмет на себя труд не подавать к трапезе колотые бокалы, которые ранят гостей? – Холодно, как зимняя вьюга, и высокомерно процедил Ильдавур, кивком головы указывая на злополучный край Элькиного бокала, испачканный кровью.

Официант изменился в лице настолько, будто ему, несчастному, сообщили о назначенной на завтрашнее утро собственной казни. Таких испуганных людей Элька, навидавшаяся за время работы на Совет богов всякого-разного, почти не встречала. Схватив злополучный бокал, бормоча извинения и пятясь каким-то странным рачьим образом, работник сферы услуг славного города Фалерно смылся из зала.

– Так как же у тебя получилось «колдовать не нарочно»? – повторил вопрос форвлак, не поведя в сторону ничтожного человека и бровью.

– Если бы я точно знала как, то не нарочно бы не колдовала, – вздохнула Элька, печально подперев рукой щеку, и поведала: – Лукас говорит, что хаотическая магия ориентируется на ассоциации, желания и эмоции. Но это единственное известное специалистам наверняка. У каждого мага свой способ овладения и использования этой силы. Мы пока успели выяснить, что те слова, которые я считаю заклинанием, чаще всего именно им и становятся. Если я очень сильно чего-то хочу, желание тоже осуществляется, но часто бывает и так, что я лишь мельком подумала, а оно уже само колдуется. Сейчас вот никаких заклинаний, только детский стишок прочитала, а ты раз – и облик сменил. Может быть, из-за того, что мне жутко хотелось на настоящего форвлака хоть одним глазком поглядеть. Извини, а? Не злись, пожалуйста! Я сильно тебя обидела? – Элька издала покаянный вздох и жалобно посмотрела на Фельгарда, претерпевшего трансформацию поневоле.

– Нет, просто не ожидал, – простив все мнимые и явные грехи обаятельной преступнице, хмыкнул оборотень.

Она облегченно вздохнула. Форвлак ухмыльнулся и недовольно обернулся, реагируя на вежливое, почти робкое покашливание за спиной. У столика снова стоял посторонний, к счастью, это была не давешняя эльфийка с очередной порцией срочных моралите, а представительный седовласый господин в строгом черном камзоле в сопровождении давешнего официанта с небольшим подносом, накрытым кружевной салфеткой.

– «Волшебный вкус» приносит леди волшебнице и вам, милорды, свои глубочайшие извинения. Пусть бутылка этого превосходного вина станет некоторой компенсацией за доставленные неприятности. Разумеется, ваша трапеза за счет ресторана.

Официант поставил поднос на край стола и благоговейно снял салфетку, демонстрируя три бокала и запыленную темную бутылку вина с уже знакомой Эльке аббревиатурой «ВЛ» и названием «Рубиновый сон».

– О, я такое пила дома, сладенькое, вкусное, – довольно облизнулась Элька.

– У тебя дома хороший выбор вин, как видно, – заметил форвлак, благосклонно пригнувшись к драгоценному напитку в наполняемом официантом бокале.

Даже Ильдавур дал знак, что конфликт улажен, благосклонным кивком. Пришедшие на поклон рестораторы осторожно удалились, оставив троицу наслаждаться искупительным гостинцем.

– Да, там такая батарея бутылок... мм... винотека, кажется, так коллекция называется, что если бы не работа, то мы почти наверняка спились всей компанией, – глубокомысленно покивала Элька, пригубила великолепное вино и с довольным вздохом резюмировала: – Правда вкусно. Такого я не один, а даже пару бокалов смогу выпить.

– Даже? Плохо переношишь спиртное? – небрежно посочувствовал Фельгард, смакуя дивное вино.

– Нет, если надо, пить могу и больше, вот только вкусно уже не будет, так зачем же переводить ценный продукт? – рассудила девушка. – Вам же лучше с Ильдавуром, больше достанется.

– Если за каждую смену облика мне будет перепадать половина бутылки легендарного лиенского вина, можешь колдовать и дальше, – сочно рассмеялся оборотень.

– Спасибо, а за ту же цену ты не против, если я еще минутку посекретничаю с Ильдавуром? – пользуясь случаем, умильно попросила Элька, пряча глазки в бокал.

– Мне пересесть за другой стол? – буркнул чуть уязвленный оборотень.

– Нет, я магией завесу безмолвия сделаю, спасибо.

Решив, что ей дали согласие, Элька дотянулась до запястья вампира, положила на него тонкие пальчики правой руки, подышала на камешек в перстеньке левой и потеряла его об одежду. Когда-то такая вещица – перстень с заклитием тишины – была лишь у Лукаса, но со временем маг обеспечил сим полезным аксессуаром каждого члена команды, кроме Гала, мало того, что тот категорически отказывался носить перстни, еще и заклития постоянного действия не менее категорично отказывались существовать сколько-нибудь долгий срок в опасной близости от тела воина. Да и не любил тот что-либо делать под шумок.

– О чем же мы будем секретничать, моя дорогая? – выгнул смоляную бровь заинтригованный Господин Темной Крови. Честно сказать, пока он не представлял, что именно может пожелать обсудить с ним тет-а-тет Элька.

Она коротко объяснила суть вопроса, вампир удивился, но дал ей серьезный ответ, не дожидаясь продолжения Элька убрала заклинание.

– Мы закончили, спасибо, а... – начала девушка, оглядываясь в поисках все-таки отошедшего от столика форвлака, когда ее речь прервал голос Рэнда.

Глава 3

Незнание и признание

– Элька? Тебя Гал ищет, кажется, жутко злится, только что не рычит и не кусается. Сейчас тоже у зеркала будет, может, тебе лучше вернуться? – торопливо протараторил вор, успевший к точке назначения первым.

– Зачем? Вы же сами сказали мне... – снова начала и опять была бесцеремонно прервана девушка.

– Элька, возвращайся домой, – бухнул резкий, какой-то напряженный, точно натянутая струна, и явственно сердитый голос Эсгала. – Будем обедать – и за работу.

– А как же выходной? – удивившись приступу склероза у педантичного коллеги, мстительно напомнила «больная».

– Если хватает сил на свиданье к вампиру бегать, значит, работать сможешь, – отрубил неумолимый воитель.

– Ладно, – подозрительно быстро, пряча в уголках рта довольнехонькую улыбку, покорилась Элька и снова потерла перстенок, обращаясь к Ильдавуру и Фельгарду: – Труба трубит, домой зовут, есть дела! Так что спасибо за компанию, классно посидели, мне пора!

– Тебе так нравится работа? – удивился столь ярому энтузиазму форвлак.

– Я ее обожаю, а мне за это еще и платят, – честно призналась Элька и, бросив на прощанье коротенькое: «Увидимся!» – нажала на перстень для телепортации.

«Доносчик» Фин уже успел предусмотрительно слинять куда подальше, чтобы не огрести того самого «первого кнута» от коллеги. Хмурый Гал в одиночестве дожидался проштрафившуюся девицу у зеркала с самым неодобрительно-угрюмым видом. Оглядев вернувшуюся прогульщицу с головы до пят, вздохнул и проронил:

– Тебе велели отдыхать!

– Я и отдыхала, мне же не постельный режим прописали, клистир и кашу через трубочку! А прогулки очень полезны для здоровья! – вскинула голову Элька, как норовистая лошадка. При разнице в росте с воителем, правда, она больше походила на пони, а последнее, как водится, при симпатичной кукольной внешности отличаются упрямым и вздорным нравом. – Ты просто Ильдавура жуть как не любишь, поэтому злишься! Вредный ты! Я тебе один секретик любопытный рассказать хотела, порадовать, а теперь обиделась и сегодня ничего не скажу!

– Как-нибудь переживу, идем обедать, – хмыкнул Гал, ничуть не уязвленный обиженным пыхтением гулены.

– Я уже отлично покушала в ресторанчике «Волшебный вкус», но вместе со всеми посижу непременно! – объяснила девушка, метнула сумочку в кресло, хотела отправить туда же пакет с сувенирами, да спохватилась. Славив рукой внутрь, нашарила нужное и позвала: – Гал, возьми, это тебе!

– Что? – удивился оборотень, принимая маленький плотный мешочек серого цвета с зеленой загогулиной, походящей на корчащегося в муках червяка или очень запутавшуюся лозу.

– Какой-то чай, в лавке сказали самый горький... как его, что-то с пауками связанное... а, точно, тарангушл, – воспроизвела Элька название травяного сбора, намертво сцепленное у нее в памяти с тарантулами. – Ты же любишь всякую гадость себе заваривать, может, это понравится.

– Так ты же на меня обиделась, – недопонял удивительную логику женских поступков воин, однако мешочек вернуть назад почему-то не поспешил, напротив, пальцы сжал крепче.

– Обиделась, – пожав плечами, непосредственно согласилась Элька с проказливой улыбкой, – поэтому не скажу секрет, а подарок я купила до того, как начала на тебя обижаться. Так что же, теперь его выкидывать в мусор? А вдруг Рэтик подберет, покушает да отравится, как я потом в глаза Рэнду смотреть буду?

– Не надо выкидывать, крыса жалко, я выпью, – неожиданно коротко улыбнулся Гал и обронил добавочное: – Спасибо!

– Пошли в столовую.

Элька ухватила коллегу за рукав и практически потащила за собой на буксире первые пару шагов, так ей не терпелось узнать, чем занимались друзья в ее отсутствие, но расспрашивать воина на ходу не стала. Не умел он интересно рассказывать, не то что красноречивый Лукас или острый на язык Фин. В устах Гала самое занимательное задание сводилось к скупому и оттого скучному, почти цезаревскому: пришли – сделали – ушли.

Народ уже был за столом и даже успел сделать заказ самобранке, Элька и Гал садились последними. Чтобы не отделяться от коллектива, девушка попросила воды с лимоном, воин же получил от скатерти комплексный обед.

– Как ваш променад, мадемуазель? – вежливо поинтересовался маг, помешивая в своей тарелке какой-то кремный суп-пюре. Рабочую иллюзию благородно-каштановых волос и маскировку рогов он развеивать не стал, чтобы потом сразу можно было браться за следующее дело.

– Оказался весьма плодотворным, мосье, – в тон собеседнику ответила Элька и умоляюще заканючила: – У меня куча интересных новостей, но я умру прежде, чем начну говорить, потому что мне жутко любопытно, что вам сегодня выпало из божественной папочки?

– А, не переживай, парочка пустяков, – заинтересовавшись Элькиными новостями, отмахнулся Фин, по ходу разговора уплетая нечто вроде пирога с многочисленными слоями-начинками. Крыс с неменьшим аппетитом ел то же самое из тарелки хозяина, только предпочитал обходиться без соусов и приправ, которыми заливал свою долю еды Рэнд. – Сначала разыскивали реликвии одного храма, которые свистнули конкуренты из соседнего святилища. Самое смешное в том, что эти чудики, как оказалось, служат двум ипостасям одного бога и так его своими сварами достали, что он на них и глядеть больше не хочет. В общем, мы с Лукасом эти безделушки отыскали, а Гал с Мирей доходчиво объяснили жрецам, как они не правы. Второй случай и вовсе ерундовым оказался: один-разъединый дракоша (не кельмитор, а самый обычный, хоть и разумный) полмира замучил налетами и поборами, а все потому, что от одиночества вконец измаялся. («Бедное создание!» – вставила сочувствующая Мирей, отпивая бульончик с зеленью из фарфоровой кружечки.) – Мы его в соседний мир к сородичам переправили. Ящеру радость, он все про яйца что-то толковал, и народ доволен. Одни рыцари протестовали – у них поход к дракону ритуалом посвящения числился, теперь новый выдумывать придется. Ну да на всех не угодишь! Хорошо, что нам денежки от Совета богов идут, а то б давно с голодухи померли!

– Интересненько! – посасывая водичку с лимоном через трубочку, завистливо оценила Элька.

– А что у тебя за куча новостей? – нетерпеливо переспросил Фин подружку.

– В сравнении с вашими не куча, конечно, так, кучка, – поведив пальчиком по скатерке, заскромничала Элька под многозначительное фыркание Гала, который все-таки потихоньку попросил самобранку заварить чашку подаренного чайку и теперь его дегустировал.

– Нам все равно хочется услышать! – чистосердечно признался Макс, едва не заехав себе ложкой в глаз в силу природной ловкости.

– Я узнала, кем была в прошлой жизни! – торжественно объявила Элька, отсалютовав компании бокалом.

Все разом перестали есть, даже волшебная скатерть затрепетала вставшими горизонтально кисточками от любопытства, заразилась, видно, вирусом этого недуга от жильцов дома.

– Что, нашлось более сговорчивое Зеркало Истинного Зрения?! – восторженно воскликнул Фин, глаза азартно заискрились. – Где? Покажешь?

– Нет, нашелся один немножко тронутый профессор с кафедры философии магии Высокого Университета Фалерно, – пояснила Элька, к легкому разочарованию приятеля, собравшегося уже мчаться сломя голову к волшебному предмету.

– Магистр Марликан? – оживленно уточнил мосье инкуб.

– Ты его знаешь?

– Личной встречи не имел, но наслышан, говорят, очень своеобразный тип, настоящее светило в своей области, его лекции по философии прикладной магии, касающиеся закономерностей применения чар и их искажения структурой силы и души мага, создающего собственные магические поля, приезжают слушать из многих миров, – дал справку мосье. Почему-то, может, из-за того самого искажения магических полей, Лукас посчитал, что его ученую речь кто-то, кроме него самого, понял.

– Ага, мы с ним в ресторане встретились. Так вот, этот магистр Марликан как-то по-особенному людей видит, не глазами, и едва со мной столкнулся, как обозвал Сильдин. Про эту странную магичку, обожавшую книги, как живые создания, ты мне как-то рассказывал. Когда философ узнал, что я хаотическая колдунья, порадовался, что эксперимент Сильдин по соединению силы магии и силы желания увенчался успехом.

– Однако, мадемуазель, вы поскромничали, это, вне всякого сомнения, интереснейшие и значительные новости, – в крайнем удивлении качнул головой маг, глубоко уважавший труды покойной ученой.

– Но я сейчас это обсуждать больше не могу, стоит на теме сосредоточиться, и сразу голова болеть начинает. Мое утреннее падение тут ни при чем, не хмурься подозрительно, Гал! Я уже совсем-совсем поправилась! Наверное, Связист и Лукас правы были, когда говорили о том, что некоторым о своем прошлом лучше не знать, – виновато признала Элька.

И любопытные коллеги, даже изнемогавший от нетерпения Фин, больше не стали задавать вопросов. Жрица переглянулась с озабоченным Эсгалом, сосредоточенно поглядела на Эльку «целительным сканером» золотистых глаз и улыбнулась воину, давая понять, что с подружкой действительно все в порядке.

– Да, ты воистину совершенно здорова, – во всеуслышание радостно огласила вердикт Мирей и сделала очередной аккуратный глоток бульона.

– Ур-р-р-а! – вполголоса прокричала Элька и показала язык Галу. Воин никак не отреагировал на дразнилку, если не считать реакцией продолжившееся с видимым удовольствием распитие странного черно-изумрудного напитка из прозрачной чашки. Внутри ее разворачивались и извивались червячками длинные зеленые листики. Девушка укоризненно продолжила: – А ты хотел меня до вечера лечить! О, Лукас, кстати о птичках, то есть о работе, знаешь, от слов того чудика из Высокого Университета мне пришла в голову одна идея относительно действия хаотической магии.

– Почту за честь услышать ее, мадемуазель, – приподнял бровь маг, насторожившись и очень надеясь, что великолепная идея не будет продемонстрирована на практике прямо сейчас, а если будет продемонстрирована, то не обернется погромом. Беседа беседой, но мосье уже расправился с супом и очень не хотел портить аппетит перед вторыми блюдами.

Макс же, обожавший всякие закономерности, выводы, следствия и эксперименты как неотъемлемую часть их выведения, подался вперед так, что очередной экземпляр малиново-синей футболки угодил в тарелку с пюре, добавив в палитру желтого.

– Возможно, моя хаотическая магия опирается на два типа эмоций, отраженных в желаниях, – медленно, пытаюсь оформить мысли, возникшие после разговора с форвляком, в четкие слова, начала почти серьезно Элька. Временно она оставила свою шутиливую манеру речи. – Первое – это очень-очень сильное желание, крайняя нужда, как было тогда с камнями в подземелье Дорим-Аверона. Одного слова-посыла оказалось достаточно, чтобы сила начала действовать. Второе – что-то вроде небрежного намерения, почти прихоти, не «безумно надо!», а «не плохо бы!», одобренного весельем. В этом случае магический отклик идет не спонтанно, а под воздействием какого-нибудь стишка, скороговорки, чего-то такого произнесенного вслух и соответствующего моему внутреннему небрежно-веселому намерению-состоянию. Поэтому, полагаю, чаще всего срабатывают детские и юмористические рифмованные строчки, какие я подсознательно считаю шутиливым заклинанием.

– Стройная теория, mon ange, – задумчиво согласился маг, анализируя в процессе Элькиных рассуждений все ситуации, в каковых проявлялся дар хаотической колдуньи, и сопоставляя с выдвинутыми постулатами.

– То есть у тебя получается колдовать, если тебе что-то до зарезу нужно или вовсе почти не нужно, но весело, – подытожил Рэнд, отправляя в рот последний кусок чудо-пирога, разделенный с Рэтом.

Крыс уже отвалился от тарелки и теперь свернулся на коленях владельца, лениво потроша яблоко и ни в какие дебри рассуждений двуногих соседей не вникая.

– Я не мог бы сформулировать лучше, mon amie, – подтвердил Лукас, пригубив вина.

Макс же совершенно уткнулся в тарелку, что-то бормоча под нос. До коллег долетали обрывки слов «мотивация», «интринсивная», «эмоция», «динамическая основа», «косвенное влияние», «активность», «устойчивость», «потребности»... Наконец мнемоб Шпильман оторвался от углубленного созерцания пюре и подтвердил выводы Рэнда энергичным кивком. Этот жест не только дал понять коллегам, что гениальный технарь разделяет точку зрения Фина, но и указал на необходимость или подстричь Макса, или начать заплетать его волосы в косички.

Мирей по зову сердца и долгу сотрапезницы взяла салфетку и бережно обтерла измазанные в картофеле прядки волос друга. Что примечательно, тот вообще не заметил никаких манипуляций с собственными волосами, сосредоточившись на аналитических размышлениях о даре Эльки.

– Ха! Значит, следующую депешу разбираешь с нами и проверяешь основы теории на практике, – разулыбался довольный вор, очень ценивший возможность перекинуться с подругой шуткой за работой. Он доверял остальным коллегам и любил работать в команде, но чувство юмора Фина более всего ценила именно Элька, превращавшая любую работу в развлечение. – Быстренько ты очухалась! Поделись рецептиком!

– Волшебные ладошки Мирей плюс переизбыток положительных эмоций! – назвала самое лучшее средство от любых недугов Элька.

– О! Благое влияние твоего клыкастого приятеля или не обошлось без некоего светловолосого поклонника, о тайной страсти коего ты узнала лишь сегодня? – подмигнул Фин, успевший за считанные доли минуты общения с Элькой рассмотреть маячившего на периферии Фельгарда.

– Я же просил, Мирей. – Гал изменился в лице, встал, с грохотом отодвинув стул, и быстро, стараясь не встречаться ни с кем взглядом, вышел из комнаты. Его не остановил растерянный и беспомощный возглас эльфийки: «Я ничего не говорила!»

– Чего это он? – искренне удивился вор, передернув плечами. – Решил, что мы о его жутко тайной страсти к Эльке речь ведем?

– Полагаю, что мосье Эсгал действительно решил, что его чувства к мадемуазель стали достоянием гласности, – коротко улыбнулся маг, почесывая бровь. Для инкуба, пусть даже

лишь наполовину инкуба, играючи отслеживающего притяжение тел и душ, состояние воина уже давно не было тайной. Возможно, Лукас все понял даже раньше, чем сам влюбленный оборотень.

– Какие чувства? – удивленно хлопнула глазами Элька, приоткрыв ротик.

– Ты что, правда не знала? – изумленно выпалил Фин, покачиваясь на стуле. – А я думал, специально не замечаешь. По Галу же сразу видно, еще с Арродрима всем понятно стало!

– Ага, с Арродрима, значит... дошло, как до жирафа, – оторопело протянула хаотическая колдунья и тут же спохватилась: – Ой, блин, так он теперь точно решил, что кто-то мне проболтался, а я его послала лесом, и пошел переживать в одиночку!

Больше не рассуждая о том, что и насколько правда – обо всем этом можно будет подумывать и поговорить после, – Элька подхватила с места и побежала за воином. Побежала так, словно сдавала спринтерский норматив и от этого зачета зависела жизнь! Чуть притормозила лишь у самой комнаты Гала, и то для того, чтобы не вмазаться со всей дури в запертую дверь. Дверь действительно была заперта, а не прикрыта, как обычно делали члены команды днем, да и ночью почти никогда никто не запирался на замки. Посторонних воров в защищенном мире не водилось, убийц тоже, да и маниакальной скрытностью никто не страдал.

Элька решительно постучала, послушала в ответ тишину и постучала еще раз с тем же результатом. Решительно набрав в грудь воздуха, возопила:

– Гал, открой, или я зайду со стороны окна и разобью его камнем, чтобы залезть, порежусь до крови, и тебе опять придется меня спасать!

Страшная угроза возымела действие. Через несколько мгновений тишины задвижка щелкнула. Элька толкнула створку, вошла и почти стукнулась об угрюмый, полный какого-то серого безразличия, каковым пытаются прикрыться от мира, чтобы не испытывать боли, взгляд Эсгала. Крепко наколовшись с первой своей великой любовью, чья измена обернулась для воина падением в пучину безумия, а темным мирам принесла горы трупов и реки крови, Гал просто боялся нового предательства. Он боялся настолько, что не хотел ничего чувствовать, не хотел новых сердечных переживаний, новой боли. Отстраненно-сурового общения с юной хулиганкой, которой удалось без стука ворваться в его сердце и завладеть им, воину казалось достаточно, и чего-то большего он просто-напросто страшился.

– Во-первых! – с порога начала Элька, даже не думая отступать, демонстративно по счету загибаемые пальцы оказались у самого носа Гала, на уровне горбинки. – Мирей никому ничего не говорила, ей по сану не положено чужие тайны разглашать, во-вторых, Фин имел в виду моего нового знакомого. Но на воре и шапка горит, ты все истолковал по-своему и сбежал переживать. Поэтому, в-третьих, какого черта лысого ты вообще переживаешь? Ты мне симпатичен, если я тебе нравлюсь, так, в-четвертых, приходи ночью в мои комнаты, и дело с концом.

– Я так не могу... Это слишком... – Гал потряс головой, оглушенный откровенной речью вернее, чем ударом меча. От любого другого оружия он, пожалуй, смог бы увернуться.

– Ох, ладно, пойдем, как в «Аленьком цветочке», длинным путем, можешь пригласить меня в выходной погулять. Это для тебя не слишком? – улыбнулась Элька, притопнув ножкой и хлопнув рукой по бедру.

– Не слишком, – пусть неуверенной, кривоватой, но все-таки ответил улыбкой на улыбку воин.

Он было подумал, не шутит ли Элька, однако в ее глазах, кроме обычных искристых смешинок, была еще странная забота, решимость и, пожалуй, удивление. Эта странная девчушка всего несколькими словами, как обещанным камнем, рассадил не стекло, а баррикаду веских доводов, возведенную им на пути к их новым отношениям. У нее, такой естественной и легкой, это вышло запросто, почти играючи...

– Вот и замечательно, тогда пошли работать! Выходные и прогулку еще надо заслужить, груда жалоб ждет! – провозгласила Элька. Снова, как перед обедом, будто и не случилось ничего из ряда вон выходящего, подхватила воителя под руку и потянула за собой.

Глава 4

Тройной переплет

В зале совещаний, в упор не замечая стремительной ретирады Гала из-за стола и раскрытия его великой тайны, мирно рассаживались по своим местам коллеги. По молчаливому уговору друзья решили доверить Эльке беседу с воителем и его успокоение, а со своей стороны вовсе не собирались напоминать ему о глупейшем проколе. Все коллективно жалели бедолагу, наступившего дважды на одни грабли. Любить легкомысленную, увлекающуюся девушку то еще наказание, небось не меньшее, чем жену-изменницу. Кроме того, чтобы трепать нервы Эсгалу всякими подковырками и прозрачными намеками, нужно было бы быть отчаянным самоубийцей. А таковых наклонностей в компании никто не демонстрировал, даже суицидальные порывы «ловкого» Макса проявлялись лишь в области манипуляций с предметами в мире вещном.

– Вы, конечно, по нас ужасно соскучились? – с порога задорно осведомилась Элька.

– Еще минута, и начали бы рыдать, – чистосердечно заверил подругу Фин и весело подмигнул ей, а следом и Галу.

Судя по слегка растерянной, но в целом мирной физиономии последнего, девушке удалось загладить невольный промах вора, чему беспечный жулик был очень рад. Признать такое совершенно не хотелось, но Рэнду было стыдно за собственный болтливый язык. Теперь же, уверившись в том, что мир восстановлен, вор легко запинал странное чувство поглубже в подсознание и постарался забыть о нем.

Мышь сорвалась с запястья хозяйки и перепорхнула к крысу, деловито обшаривавшему угол комнаты. То ли там интересно пахло, то ли просто зверьку захотелось прогуляться. Летучая, почти невесомая товарка опустилась на спинку крупного грызуна, тот весело фыркнул, и они принялись изучать угол вместе, не докучая хозяевам. Буквально с момента первой встречи в доме летучий и нелетучий зверьки великолепно ладили друг с другом и периодически совершали мелкие каверзы, заставлявшие членов команды притворно сердиться. Но на деле людей от души забавляли выходки парочки питомцев. В конце концов, изгрызенный ремешок, которым Эсгал подвязывал на тренировках волосы, не был великой святыней, да и расшитый бисером топ Эльки в раритетах не числился, а уж о мотке проводов Макс даже не вспомнил бы, не найди его Рэнд в гнездышке крысы.

Подлетев к своему месту, Элька плюхнулась на стул и жадно спросила, вытягивая шейку:

– Уже читали бумажку из папочки?

– Нет, мадемуазель, мосье Фин покрутил волчок, и великое счастье озвучить просьбу выпало мосье Эсгалу, посему мы ждали его, – пояснил Лукас, оправляя кружевные манжеты. Кажется, они сейчас интересовали его куда больше, чем некий не в меру серьезный воитель.

– Точно, – согласился Макс и кивнул на красноречиво замерший в направлении пустующего стула волчок-указатель – вещественное доказательство выбора Сил.

«Ух ты блин, как не повезло», – мысленно вздохнула Элька, понимая, что от скрупулезного оборотня им придется выслушать всю петицию целиком, равно как и детальные сведения о мире, ее направившем. И никакие душевные тревобления Эсгала этого обычая не отменят.

По счастью, со школьных и институтских времен Элька обладала замечательным талантом пропускать мимо ушей всякую нудятину и автоматически включать внимание точно тогда, когда речь заходила о чем-то действительно важном. А уж если этот дар давал иногда сбой, так ведь и на старуху бывает проруха. Для исправления недоразумений всегда

имелись под рукой куда более педантичные и ответственные друзья, готовые поделиться информацией и не сказать ни слова упрека, например Макс. Вот уж кто никому и никогда не читал морали и ни за что не винил.

Но с другой стороны, чтобы сделать какую-то гадость добряку Шпильману, нужно было быть таким законченным мерзавцем, каковых в команде не наблюдалось, а вздумай обидеть добродушного парня кто со стороны, этому «кому-то» Элька готова была посочувствовать заранее, ибо за защиту гения встали б стеной все друзья. Меч Гала, магия Лукаса, удавка или метательный кинжал Рэнда, хаотическая сила самой Эльки и верный посох Мирей могли убедить кого угодно в ошибочности мнения о безобидности молодого мнемоба. Так когда-то случилось в Гардарне, где Шпильман снимал слепок-отпечаток для поиска королевских сокровищ. Похитители, собравшиеся пугнуть лезущего не в свое дело молодца, столкнувшиеся с таким групповым отпором, сочли за лучшее явиться к властям с повинной – это казалось им единственным шансом на выживание. Впрочем, Элька помнила, какое лицо было у Гала, и целиком разделяла здравую точку зрения преступников.

Воин прошел к толстой папке с прошениями. Первый ее поистрепавшийся вариант уже давно был отправлен в музей команды ввиду недостаточности размеров и заменен на куда более внушительный аналог не из картона или кожи – этот материал сочли недостаточно прочным, – а из клееного эльфийского шелка – шероховатого. На ощупь он походил на плотную кожу, а износостойкостью превосходил оную многократно. Эльфы вот вообще считали, что шероховатому, как тем «тапочкам для мальчика», сносу нет, но папка использовалась столь часто, что этому постулату предстояло подвергнуться основательной проверке.

А что касается музея, то после первого десятка приключений, нет, конечно, заданий, приключениями их называли только безответственные типы, вроде Эльки и Фина, то одну из свободных комнат дома на первом этаже рядом с гостиной было решено отвести под хранилище памятных безделиц. Туда складывали всякую всячину, вроде фальшивой короны из Норка, кинжала, которым пытались убить наследника престола в Загрэнде, прятки сновидений из Сапиша и картины-ловушки из Рюдалиана...

Особенно трепетно заботились о пополнении коллекции Рэнд (тот вообще тащил в дом кучу любопытного хлама) и Связист. Кто бы мог подумать, что Сила окажется таким тряпичником?

Но сейчас компании только предстояло взяться за новое дело. До сувениров было еще далеко. Гал щелкнул замочком, лично выкованным им в виде двух половинок эмблемы команды в один из выходных, и извлек нечто. Пристально оглядел находящееся в его пальцах и тяжело уронил:

– Так!

Все вперили в штатного читателя и «петицию» откровенно непонимающие, абсолютно невинные, можно сказать, бесстыжие, взгляды.

После многозначительной паузы, отведенной на добровольное покаяние, но заполненной лишь тишиной, воин мрачно продолжил:

– Тут несколько прошений, слипшихся в один ком. Кто пролил кофе на бумаги?

– О чем вы, мось? – удивленно протянул Лукас, чуть подавшись вперед и пытаясь разглядеть причину негодования педантичного коллеги.

Исполненный подозрений взор Эсгала остановился на Максе, единственном кофейном маньяке в доме. А что пролит именно этот напиток, оборотень, отличающийся тонким нюхом даже в человеческом облике, был совершенно уверен.

– Я вообще кофе за столом в зале совещаний не пью, – почему-то виновато, как будто он вместо распития кофе напрудил под столом или глушил коньяк ведрами, принялся оправдываться и краснеть Шпильман. – Вот у себя – да, проливаю, вчера на клавиатуру слу-

чайно почти полную чашку опрокинул сладкого, замучился вытирать, так вообще менять пришлось. А здесь нет, никогда, если только у зеркала, в кресле...

– Гал, ну чего ты наезжаешь, – вступилась за друзей Элька, – мы к этой папке вообще не подходим поодиночке и тайком, чего нам, в рабочее время занимательного чтения отсюда не хватает? Как средство от бессонницы используем? Может, это в Совете богов испачкали или при транспортировке, а нам грязное подсунули?

– Какое вопиющее безобразие, как они только посмели?! – демонстративно развозмущался вор, впрочем не прерывая раскачиваний на стуле. – Пачкать прошения – исключительно наша прерогатива! А что мы ей не пользовались, так пока руки не дошли, ну ничего, вот прямо сегодня начнем исправляться! Не сходить ли за соусом?!

– Как только появится мосье Связист, мы ему всенепременно передадим все справедливые претензии. Пусть он поставит в известность о вашем, мосье Фин, праведном негодовании достославных Онтру, Тиваля и Калаша. Заодно нам представится шанс проверить, насколько обидчивы покровительствующие команде боги, – с вежливой, но при этом почему-то донельзя ехидной улыбочкой пообещал приятелю маг, поигрывая кольцом с крупным изумрудом на безымянном пальце.

– Ха, я не удивлюсь, если после таких наездов нам урежут финансирование, – встряла Элька, вновь вытягивая шею (с места было не углядеть), в попытках оценить степень ужасающего опорочивания важной документации.

– Лучше не проверять, если хотят, пусть пачкают, я не гордый, во всяком случае, не настолько гордый, чтобы на пару пятнышек кофе обидеться, – поспешно сменил точку зрения меркантильный Рэнд под давлением доводов Лукаса и Эльки. Пожалуй, вопрос финансирования его беспокоил куда больше божественной немилости – понятия до некоторой степени абстрактного, в отличие от регулярно получаемой зарплаты и премий.

– Насколько серьезно пострадали петиции, мосье, их совершенно невозможно прочесть? – уточнил маг, прерывая обычный веселый треп.

– Можно, – сухо отозвался воин, не одобрявший неаккуратности в важных вопросах, тем паче божественной неаккуратности. Знать, что кто-то там, наверху, столь безалаберный и могущественный, играет чьими-то судьбами и жизнями... Нет, такое Галу решительно не нравилось!

Ему часто не слишком нравились оригинальной конструкции письма, каковых команда навидалась уже предостаточно: сложенных в виде цветков, фигурок зверей, птиц и людей, вырезанных, выжженных на дереве, вышитых на ткани, выбитых на металле, навязанных узелками на веревочках, вылепленных и вытатуированных. Но это безобразие оказалось не ритуальной композицией, а следствием неаккуратного обращения с напитками. Неодобрительно дернув уголок рта, воитель внимательно изучил комок прошений и аккуратно потянул уголки. Чуть слышно хрустнув, залитые кофе петиции распались. Из комка получилось три неравные кучки. В первой без труда опознавался плотный, чуть помятый листок альбомного формата, похожий на гербовую бумагу с легкой зеленцой. Вторым шел тонкий длинный клочок материала, свернутый в трубочку и более всего напоминавший Эльке кальку. А вот последний оказался вполне заурядным тетрадным листочком в клеточку, сложенным в виде детского кораблика. Во времена босоногого проказливого детства девочка сама пускала такие в тазике, ванне, а потом и в пруду. Один раз так увлеклась сажанием на палубу головастика, что даже нырнула в водоем со ступенек вслед за груженным будущими лягушками судном. Ох и ругались родители, когда она явилась домой мокрая, по уши облепленная водорослями и тиной! А гулять после три дня не пускали, домашний арест маленькая негодница использовала для изучения процесса горения. Экспериментировала, правда, на балконе, поэтому дом не спалила, только прижгла палец, но, конечно, никому об этом не сказала, чтоб арест не продлили, прибавив в нагрузку бабушкин надзор.

– Три, – педантично подсчитал Шпильман и озадачился, почесывая нос: – С какой же начинать?

– Мне кажется, эти прошения неспроста оказались скреплены вместе, на то была высшая воля Сил Судьбы, – подавала мелодичный голос Мирей, глаза жрицы засияли золотым светом посвященной Ирилии, верный признак если не пророческого транса, ниспосланного божеством, то уж личного предвидения непременно. – Мы должны посмотреть их все, в том порядке, как их разъединил Эсгал. Прочсть нужно все сегодня!

Гал воспринял указания эльфийки всерьез, как всегда относился к откровениям целомудренной девы, и сдержанно кивнул. Воин положил на стол перед собой все три «документа», если такой термин был применим к детскому кораблику из тетрадного листка и писульке на тонком клочке папиросной бумажки. Впрочем, первая составляющая кофейного комка все-таки могла претендовать на почетное звание прошения хотя бы по внешнему виду бумаги. Светло-зеленая, на просвет по кромке окаймленная орнаментом из плюща, эта депеша содержала всего несколько строк. По счастью, кофейные пятна, творчески поработав над дизайном страницы, не коснулись написанного. Воин внимательно изучил текст, кашлянул в некотором замешательстве и поделился соображениями:

– Это стихи. Эльфийские. Очень плохие. Я их в рифмованном виде перевести не смогу. Если белым стихом, выходит примерно так:

Животворящая защитница небесная,
О всеблагая Лучнитэль,
Отчаянно взываю!
Ты снизойди к мольбам детей твоих!
И взор ласкающе-лучистый
Обороти к цветам,
Что вянут на клумбах храмов лесных,
Силы живые утративши!
Внемли мольбе!

Закончив чтение, Гал коротко и с облегчением выдохнул. Он и свои-то стихи никогда не читал в обществе (тот единственный раз, на который его спровоцировала хаотическая колдунья ради пользы дела, не в счет), а тут чужой позор озвучить. Очень неловко воину было за неведомого сочинителя. Если тот писал эти жуткие строчки, потому что прошения в их мире полагалось отправлять исключительно в рифмованном виде, тогда еще ладно, но если «поэт» искренне считал свои вирши стихами, то оставалось только сопереживать его окружению.

– Все? – удивилась непосредственная Элька краткости неизвестного таланта. – Может, тут, как с дорим-аверонским письмецом, какой-то шифр или приписка невидимая?

– Маг? – Гал, не доверяя хаотической колдунье анализ пострадавшего письменного источника, лично промаршировал к рыжему мосью и вручил ему послание для изучения. Версия тайного шифра в глазах воителя вполне оправдала бы огрехи стихосложения.

Лукас, готовый согласиться с девушкой, задумчиво покивал, шепнул что-то вроде «Регарэ» и сделал несколько плавных пассив, призывая магическое зрение. Осторожно придерживая за края плотный зеленый лист тонкими пальцами, рассматривал его на просвет минуту, другую, третью. Все терпеливо и молча ждали. Наконец первым не выдержал Фин, азартно поблескивая глазами:

– Ну что там? Неприличные картинки, что ли, видны стали? Чего молчишь-то? Может, мы тоже полюбуемся всем гуртом, кроме Мирей, ей по сану не положено?

– Я думаю, о мой не в меру порывистый и охочий до неприличных картинок друг, – ответил мосье Д'Агар и с ехидцей порекомендовал: – Попробуйте как-нибудь, интересное занятие.

– Уговорил, лет через пятьдесят-семьдесят непременно, коль вспомню, – отшутился Фин, а маг, почесав бровь, огласил свой вердикт:

– Тайных знаков или писем на этом листке нет и никогда не было, но я обнаружил кое-что иное, не менее любопытное. Готов поклясться, к сему предмету прикасалось создание вышних эмпирей.

– Это как? Кто прикасался? – заморгала озадаченная Элька.

Она все еще слабо разбиралась в метафизике, в отличие от классификации созданий темных миров, изучению которых уделяла изрядное время при максимальном прилежании. Впрочем, то, что ее интересовало, Элька делала превосходно. Может, поэтому так успешно и работала на Совет богов, что занятие это казалось ей самым интересным во Вселенной времяпрепровождением?!

– Дух, – односложно, будто всерьез собрался брать пример с воителя по части кратких изречений, проронил мосье, все еще разглядывая лист, и даже едва заметно, чтобы на челе не осталось морщин, нахмурился. Брови сошлись очень живописно, окажись тут какая-нибудь из поклонниц мага, непременно пришла бы в восторг.

– А не Рогиро ли в папочке шарил? – выдвинул новую версию языкастый вор с хитрой усмешкой. – Может, он и кофеек расплескал, и не только его. То-то я гляжу, коллекционное вино в баре пропадать стало?

– Не привидение, *mon ami*, – поморщился Лукас. – Я имею в виду создание тонкой энергии.

– Дух – это единица, осознающая осознание, – с улыбкой процитировала Элька определение из саентологии – религии красавчика Тома Круза.

Оно случайно завалилось в голову со времени платонической влюбленности в обаятельного актера. Конечно, сама религия была, выражаясь ее слогом, глубоко фиолетова Эльке, но кое-что о сем предмете прелестница уловила исключительно потому, что дело касалось милашки Тома.

– Дух, если мы говорим о магической практике, мадемуазель, это создание, некогда имевшее физическую оболочку, но ныне ступившее на новую, высшую ступень жизненного цикла. Не всегда через смерть, возможны иные пути, проложенные совершенной душой, исполненной благих стремлений, – постарался объяснить Лукас самый сложный термин так примитивно, чтобы коллеги его поняли. – Это прошение писало создание вполне живое, сомнений нет, но бумаги касался и дух, призванный нарочно для того, чтобы доставить послание в Совет богов, или явившийся по собственному желанию с той же целью. Его касание перекрывает касание создания плоти, значит, было последним.

– Ладно, какая разница, человек, эльф, дух... Главное – есть жалоба. Вопрос – только какая? У них там на самом деле какие-то цветики повяли или это эльфийская метафора какой-то вселенской катастрофы? – почесал в затылке Рэнд и извиняющее бросил Мирей: – Ты прости, подруга, но эльфы временами так заумно изъясняются, что я диву даюсь, как друг друга-то понимают.

– Они не всегда понимают, – заулыбалась жрица, запросто открывая величайшую эльфийскую тайну. К счастью команды, Мирей не разделяла тяги сородичей к патологически замысловатому красноречию, наверное, на нее наложила благой отпечаток профессия жрицы. – Но, когда есть возможность ответить так же изысканно-цветисто, собеседник может и не догадаться о том, что остался не понят.

– Цветы настоящие, клумбы тоже, – вернув себе прошение, сухо объявил Гал и пояснил: – Для метафор используются другие сочетания рун.

– Я хренею, – протянула Элька, невольно переходя на жаргон своего мира. В последнее время, поддаваясь благому влиянию неизменно вежливого мага, она делала это не столь часто. – Пардон, Лукас, другого слова не подобрать! Теперь нас в садоводы-огородники записали. Может, они там свои маргаритки полить забыли или подкормки переложили, а нам нестись сломя голову разбираться? Блин, вот почему я на завядшие ирисы с клумбы у окошка в Совет богов никому не пожаловалась?

– Потому что знаешь, эту жалобу все равно передадут нам, как заметила утром Мирей, – до отвращения логично объяснил Макс и, кажется, даже не улыбнулся при этом.

Элька только хмыкнула, соглашаясь с технарем, а длиннорукий воин, так и не присев, уже притянул к себе «Дорожный атлас» и на несколько мгновений приложил к обложке «цветочное» послание, «задавая настройку текста». Магия волшебной книги – творения Сил Мира – была такова, что, даже не зная названия мира отправителя прошения (отнюдь не всегда его указывали в тексте авторы петиции), команда могла получить исчерпывающую информацию, просто коснувшись посланием корешка уникальной вещи. Воин раскрыл книгу и начал размеренно читать:

– «Эннилэр – мир-государство в северном регионе миров, на севере граничит с Оргевой, на востоке – с Венстиком, на юге и западе омывается Океаном Миров. Площадь составляет приблизительно семьсот тридцать восемь квадратных километров. Считается миром лесов, озер и болот. Озер насчитывается около шестидесяти тысяч (крупнейшие Айсарэн, Инари, Яннетиль), учет болот не проводился. Главные реки мира: Ониритэль, Иниомэран, Кемитель, Оллеолу. Большая часть территории равнинная...»

Гал продолжал говорить ровным, четким голосом, но Элька уже отключилась, пропуская мимо ушек информацию о горах, болотах, лесах, покрывающих почти три четверти территории мира, бесконечном многообразии растений и редчайших животных, их населяющих. В ее голове задержались лишь данные об основной расе Эннилэр – эльфах и религии – веровании в Живую Природу и покровительницу всего сущего – Богиню Природы Лучнитэль. Причем исключительно потому, что в справочнике имелась прелюбопытная ссылка: ввиду заключения брака с темным божеством раздоров Суарром, богиня Лучнитэль покинула северный регион миров...

«Все!» – наконец раздалась желанная кодовая фраза, выводящая Эльку и Рэнда из прострации. Мирей, напротив, слушала внимательно, потому что речь шла о ее сородичах, Лукас – потому что в силу привычки к головоломным магическим практикам обрел дар запоминать любую информацию, какой бы на первый взгляд бессмысленной и сложной она ни была. А Макс и вовсе никогда и ничего не забывал, во всяком случае, не забывал окончательно, и новое знание обширная память мнемоба впитывала жадно, как губка. Больше всех повезло Мыше и Рэту. Вероломно предав работающих хозяев, зверушки в процессе занудного чтения атласа закончили исследовать угол и смылись из зала совещаний по иным важным делам. Но кто бы стал их за это упрекать? Совет богов не платил животным за прослушивание, без сомнения, нужной, но до жути скучной информации.

Однако не успела Элька перевести дух и открыть рот, как тиран Гал неумолимо объявил:

– Следующее!

Гал отложил «Дорожный атлас», зеленый лист со стихами и взял кораблик из тетрадного листочка.

– «Команда героев! Придите и убейте чудовище!» – огласил воин содержание документа, положил его на «Атлас», выждал секунду, открыл и прочел всего одну строчку на девственно чистой странице: «Венстик – урбанизированный мир. Данные по урбомирам не предоставляются».

Стоически восприняв категоричный отказ в информации, Гал потянулся за последним, скатанным в трубочку листочком и был остановлен голосом пророчествующей Мирей:

– Третьему время еще не пришло, лишь после исполнения первого в суть его вникнуть вам предстоит!

Эсгал дисциплинированно опустил руку.

– И правильно, и правильно, – от души согласилась Элька, накушавшаяся по уши информацией об Эннилэре, – а то вдруг у нас всех, не считая Макса, случится приступ коллективного склероза, тогда ведь перечитывать придется, а второй раз я не выдержу даже за свою зарплату! Хватит цветочков и героев!

– Во-во! Как ты там сказала, подружка, «я хренею»? – переспросил Рэнд и энергично кивнул, соглашаясь с емким определением процесса: – Да, лучше не скажешь. Теперь я тоже! Это самое – хренею! Клумбы в стихах вянут, героев на кораблике зовут...

– Боюсь, мосье, не вы один, – покачал головой Лукас и полез в карман за платочком.

Лоб у мосье был сух, зато жест весьма символичен. Кто бы ни пил кофе в Совете богов, на первый, на второй и на все последующие взгляды он подкинул компании не самую легкую работенку. Но кто платит, тот и заказывает музыку. Следуя пророческим указаниям жрицы Мирей, пора было приступать к обсуждению навалившихся проблем.

– Глаза бояться, а руки делают, разгребемся, не впервой, – беспечно подбодрила друзей Элька одной из вороха многочисленных пословиц и поговорок.

– Разумеется, мадемуазель, вы абсолютно правы, – бодро подтвердил маг, возвращая кружевное творение с изящной монограммой в нагрудный кармашек жилета. – Вернемся к вопросу увядших цветов Эннилэра. Мадемуазель Мири, мне кажется, вам как жрице Ирилии, покровительствующей всему живому, сия тема наиболее близка.

Эльфийка выразила согласие с выбором Лукаса быстрым кивком и улыбкой.

– Остается решить теперь, когда мы ознакомились с двумя эпистолами, в каком порядке следует браться за работу. Возможно, имеет смысл разделить и заняться одновременно обоими посланиями. Как подсказывает вам интуиция жрицы, Мирей? – обратился к девушке маг.

Эльфийка полуприкрыла глаза на несколько мгновений, обращаясь к своим талантам, дарованным благословением богини, и ответила:

– Нет, не стоит, наши общие силы могут понадобиться для решения каждой из задач, но начать следует с Эннилэра.

– В таком случае, мадемуазель, вы собирайтесь в дорогу, а мы будем вести наблюдение, – согласился мосье, полностью доверяя чутью посвященной Ирилии, и уточнил: – Вы намерены отправиться одна или выберете спутника в пару?

– Элька, ты не хотела бы... – обратилась было Мирей к подруге, а та уже подскочила на стуле:

– Еще бы не хотела! Конечно, я еще ни разу у эльфов не была! Они нам, вернее, Совету Богов, что-то ничего не писали. То ли все в ажуре у твоих сородичей, то ли стеснялись проблемами высшие инстанции беспокоить. А тут такой шанс! И не смотри на меня, Гал, как на врага народа, я сейчас переоденусь даже без напоминаний. И вовсе не потому, что решила стать скромницей и с завтрашнего дня удалиться в монастырь! Не дожدهшься! У них там осень, мерзнуть совершенно не охота!

– Уф, а я-то уж подумал... – нарисовал на своей подвижной физиономии выражение испуга, сменившегося небывалым облегчением, Рэнд.

Продолжая весело тараторить, торопыга помчалась к шкафу, где команда хранила кое-какую верхнюю одежду для работы в мирах с некомфортной погодой, а Элька хранила одежду всякую, поскольку мало какой мир был готов принять молодую хаотическую колдунью во всей ее незамаскированной красе. Порывшись в необозримых глубинах шкафа,

вытащила очень симпатичное и приличное, даже по строгим меркам воина, платье из темно-зеленой с золотыми вставками материи. Рукава были длиной до запястий, а юбка заканчивалась у лодыжек, а не в районе бедра, и даже не имела до оных ни единого провокационного разреза.

– Вы уверены в своем выборе? – тихонько и осторожно уточнил у жрицы Лукас, пока Гал не задал того же вопроса в куда более грубой форме и значительно громче.

Мирей энергично кивнула и шепнула одними губами:

– Так будет быстрее!

Лукас чуть приподнял бровь, раздумывая над словами эльфийки, и потом кивнул, показывая, что понимает и одобряет решение. Пожалуй, только веселая, искренне доброжелательная бесцеремонность Эльки могла подстегнуть слишком велеречивых сородичей жрицы, способных потратить полдня на взаимные расшаркивания, да так и не перейти от процедуры ритуального приветствия к делу. Тем временем, повернувшись спиной ко всей честной компании, бесстыдница, и не подумавшая уединиться для смены гардероба, сдернула через голову блузку, влезла в платье и, повозившись под юбкой, стянула брючки.

– Все! Я готова! – провозгласила она, одергивая подол, и попрыгала, проверив, хорошо ли сел туалет по фигуре.

Жрица только тихонько рассмеялась. Лукас, Фин и Макс, привыкшие к выходкам Эльки, остались совершенно спокойны, а что у Гала на скулах появилось по розовому пятну, так от этого никто еще не умирал! Наоборот, быстрая циркуляция крови временами весьма полезна для организма!

Сама эльфийка, легко переносящая зной и холод, осталась в том же малиновом платье с вышивкой по вороту, только позаимствовала из шкафа золотистый плащ с длинными рукавами и накинула поверх одеяния, прихватила дорожный посох и мешочек со снадобьями. Пусть Мирей вовсе не собиралась сейчас никого врачевать, но выйти из дома без этих атрибутов странствующей жрицы-целительницы для нее было равносильно тому, чтобы отправиться в путь нагишом.

Подруги взяли за руки, нажали на перстни и исчезли из зала совещаний, провожаемые добрыми напутствиями. Коллеги стали занимать места «в зрительном зале» у зеркала наблюдений, готовые следить и в случае необходимости оказать действующим на местности дамам всю возможную и невозможную помощь.

Глава 5

Эльфийские страдания

Эннилэр встретил гостей запахом сухой палой листвы и умиротворяющими музыкальными звуками живой природы. Из тех, которые принято записывать на кассеты для аутотренинга: шелестом ветра, плеском воды, щебетом птиц, шорохом опадающих листьев. Элька открыла почему-то зажмуренные глаза – иногда при перемещении веки закрывались, словно сами собой, повинувшись какому-то глубинному приказу подсознания – и огляделась.

Гости мира оказались на пологом берегу у маленького пруда идеально овальной формы. С одной стороны водоем обступали высокие клены, разряженные в пеструю листву цвета золота и багрянца, с другой – зеленела трава поляны, где, как солнечные зайчики, прятались сорванные проказником ветром листья.

Недалеко на пригорке стояла белая открытая беседка, гармонично вписывающаяся в пейзаж. Ее красота завораживала не менее, чем прелесть природы. Три высокие, тонкие, как стволики деревьев, колонны накрывал купол, украшенный по краю столь искусной резьбой, что она казалась кружевом. Да и само строение производило впечатление хрупкого изящества и воздушной легкости. Внутри вели три пологие ступеньки, на полу в центре стояли маленькая белая скамья и столик.

– А где все? – риторически поинтересовалась Элька у мира Эннилэр.

Обычно, перемещаясь на место отправки прошения, компания встречала хоть кого-нибудь, имевшего отношение к посланной жалобе. Но ни полянка, ни Мирей хаотической колдунье не ответили. Жрица спокойно стояла, опустив руки вдоль тела, вслушиваясь в звучание нового мира, улавливая его неповторимую песню. По губам целительницы блуждала едва заметная улыбка, глаза были прикрыты для лучшего сосредоточения на процедуре ментального знакомства.

Непоседе же Эльке не только не сиделось, но и не стоялось на месте. Не чувствуя никакой опасности, она оставила подругу выситесь не менее живописным, чем беседка, столбиком, эдакой кариатидой воздуха, а сама решила чуток пройти вперед. Самую малость, чтобы осмотреться. Сменив положение в пространстве на более юго-восточное, путешественница увидела ее! У берега озера, за кустиком низкорослой серебристой ветлы, сидела на корточках фигура в длинном белом одеянии. Густые волосы цвета бледного золота водопадом стекали к ногам объекта, тонкие пальцы правой руки, унизанные изящными колечками, полоскались в воде.

«О! А вот и аборигенка!» – обрадовалась первой живой находке хаотическая колдунья.

– Эй, красавица, да сияет солнце твой путь! – позвала Элька, подбегая с общепринятым эльфийским приветствием на устах к представительнице местного населения.

Та медленно обернулась, звякнув серьгами-подвесками с синими камушками, и оказалась «тем». Да, при всей тонкости, черты лица с высокими, четко обрисованными скулами, лучистыми сине-голубыми звездчатыми глазами, нежным ртом и ямочкой на подбородке явно были мужскими и застывшими в удивлении при виде неожиданно объявившейся незнакомки.

– Ой-й-ёёпсс... Извините, со спины такая фигура изящная и волосы длинные-длинные, мне такие за всю жизнь не отрастить, вот и ошиблась, – покаялась Элька, стрельнула глазками, обаятельно улыбнулась и проказливо прибавила: – Хотя вид спереди мне нравится еще больше!

– Кто ты, смертное создание, и какой истины взыскуешь под сенью древ Цветилища? – после театральной паузы разомкнул-таки уста представитель местного населения. Но, судя

по чуть зарозовевшим кончикам острых ушек, выглядывающих из прически, искреннее, пусть и совершенно не этикетное приветствие ему показалось приятным.

– Цветилище? Оригинальное название! – одобрил за кадром Рэнд, никогда не упускающий возможности прокомментировать происходящие события. Подчас эти его реплики были столь остроумны, что коллегам приходилось тратить значительные усилия на поддержание соответствующей ситуации мины.

«А что, слово – производное от «цветы» и «святилище», подобрано простенько и со вкусом», – мысленно согласилась Элька. Но вступать в шуточный диалог не стала, сосредоточив свое внимание на ожидавшем объяснений красавчике-эльфе.

– Мы, Элька и Мирей Эдель Эйфель, жрица Ирили, – девушка махнула в сторону неспешно приближающейся, опираясь на посох, подруги (почему-то раньше Мири таким медлительным образом никогда не перемещалась в пространстве), – прибыли по вашей жалобе на завядшую клумбу. Вот! – Элька протянула руку, и Макс, как раз перечитывающий послание в поисках вероятного, упущенного при первом прочтении глубинного смысла, переправил в ладонь хаотической колдуньи зеленый листок. – Нам бы переговорить с автором, и побыстрее, если можно.

– Истинно так, о дивнорожденный, посланы мы Советом богов, к которому мольба была передана, – чинно, демонстрируя убедительный перстень с эмблемой, подтвердила жрица Ирили, подступая все ближе к медленно закрывающему и открывающему голубые глазища эльфу. Элька даже не сразу сообразила, что это собеседник моргает в изумлении, уж больно странно выходило, точно в замедленной съемке: порх – ресницы вверх, порх – вниз. – Освети наш путь светом истины, укажи тропу к просителю.

Наверное, Элькина краткость оказалась заразной, Мирей рассчитала правильно. А ее собственное неспешное движение и речь помогли остроухому аборигену преодолеть первый шок и подготовиться к ответу на пулеметный вопрос. Эльф еще раз плавно моргнул, свел ладони не то корзиночкой, не то лодочкой и выдал:

– Сей скорбный лист отмечен узором высшего цветильца. Никто иной не мог бы начертать на нем знаков и прояснить их глубинный смысл. Однако, к великому прискорбию моему, вы, посланцы Совета богов, не сможете разделить с ним сладостный нектар беседы.

– Он что, умер? – в лоб брякнула хаотическая колдунья, уже как-то разок столкнувшись с ликвидацией корреспондента прыткими недругами. От живущих, как в замедленной съемке, эльфов она такого не ожидала, но, с другой стороны, неизвестно, сколько времени провалялась бумага в Совете богов, может, не один век. А за такой срок до решительных действий дозрели бы даже такие «дивнотормозящие».

– О нет! – Глазища мужчины – чудные синие звездочки на голубом фоне зрачков – оказались где-то в верхнем квадрате высокого лба, вслед за ними устремились к волосам ровные дуги светлых, таких же золотых, как волосы, бровей. Длинные рукава легкого с виду, но, вероятно, весьма теплого одеяния со стоячим скругленным воротничком и мелкими, едва заметными жемчужными пуговичками от горла до пят взметнулись двумя птичьими крыльями. Эльке сразу вспомнилась картинка из чудесно проиллюстрированной сказки «Дикие лебеди». Именно в таких изящных позах художник изобразил принцев, обращавшихся в птиц под властью злых чар.

Эльф набрал в грудь воздуха – сей ритуал оказал на него успокаивающее действие и дал справку:

– Цветилец покинул храм ради уединения и медитации! Слияния с животворящей и всеблаготворной Лучнитэль нарушать нельзя! Я не осмелюсь потревожить цветильца!

– А сколько придется ждать? – скрупулезно уточнила Элька, поискав на небосклоне светило, указывающее примерно на первую половину дня, и пошуршав туфелькой в горке сухих ароматных листьев клена. Вкуснее, по мнению девушки, пахли только березовые.

– Завесой тайны истина сия укрыта, – торжественно отвечал собеседник, будто невзначай выискивая что-то в глубине пустой беседки.

– Для нас или для тебя, дивнорожденный собрат? – переспросила Мирей, брови ее слегка принахмурились, не выказывая неудовольствия, а лишь намекая на него.

– Время божественного откровения и путь к нему невозможно пересчитать, будто лепестки в чашечке цветка священной вастрены, – снова сведя руки лодочкой, теперь-то стало понятно, что этот жест обозначает какой-то особенный цветок, укоризненно качнул головой эльф. Волосы его колыхнулись живописным водопадом живого золота. Наверное, не считая колоссальной длины, такие же густые и красивые были у сказочной Рапунцель.

– Он не знает? – выдвинула догадку-толкование Элька и метнула на подругу взгляд. Та ответила быстрым кивком. – И что делать? Его цветейшество, то есть высшего цветильца, никак нельзя предупредить, что абонент недоступен и сеанс связи не состоится, поэтому можно и с нами словечком переброситься?

– Нарушать медитацию не следует, если не желаешь причинить вред телу и духу, но можно к ней присоединиться, чтобы позвать, – машинально огладила узор на вороте Мирей, тоже почему-то устремив задумчивый взор на симпатичную ажурную беседку.

Элька удивилась такому единодушному любованию и присоединилась к дуэту разглядывателей, пытаясь сообразить, что именно так заинтересовало собеседников в пустом строении. Ну, белочка рыженькая скакала на траве совсем рядом, так ведь не единорог какой-нибудь. А чем может пригодиться белка в деле поиска эльфов? Может, как в анекдоте, пятьдесят грамм муравьев посылают за литром пива, так остается только решить, сколько нужно белок, чтобы доставить на берег озера высшего цветильца для разговора?

Но тут на какое-то мгновение шутница узрела, что пустая беседка на пригорке вовсе не пуста. В ней, зависнув где-то посередине помещения, в районе стола, медленно вращается мерцающая, словно находящаяся одновременно здесь и где-то очень далеко ТАМ, сидящая на корточках и сложившая ладони чашечкой фигура.

«Медитирующий цветилец!» – осенила хаотическую колдунью гениальная в своей простоте идея, вместе с которой пришло и понимание: просто так мужика из тех сфер, где он витает, не дозовешься, а вздумаешь запросто похлопать по плечу и чего-нибудь на ухо проорать, цветилец и в самом деле может кони двинуть.

Тем временем жрица Ирилии приняла единоличное решение. Она забрала у Эльки послание и опустилась на траву рядом с пригорком. Тонкие пальчики одной руки продолжали сжимать то, что новый знакомый, кстати так и не назвавшийся гостям мира, поименовал скорбным листом, вторая легла на траву, мягко поглаживая ее, словно зверька, посох умогнулся рядом. Золотистые глаза закрылись, дыхание стало глубоким, ровным, потом более поверхностным и редким. Жрица легко, будто заснула, погрузилась в транс. Элька, доверяясь решению подруги, ни во что не вмешивалась и на всякий случай даже приготовилась придержать симпатягу-эльфа, чтобы не повредил процессу, раз уж дело вмешательства в медитацию может быть таким опасным.

– Мне, что ли, тоже научиться медитировать? – «задумался» вслух Рэнд, развлекая коллег. – А то Гал, Лукас, Мирей – все умеют! Я себя каким-то ущербным чувствую!

– Утешься! Макс, я и ты не умеем, а Связисту вообще как Силе не положено. Так что у нас в команде паритет! Можешь этой науки не осваивать, а если уж переходить на личности, кое-кому, не будем показывать пальцем на Эсгала, на годик-другой медитациям надо было бы вовсе разучиться и вместо этого с утречка спать. Для нервной системы не менее полезно! – шутливо ответила Элька, прищелкнув пальцами для отключения слышимости, чтобы вконец не доконать бедолагу эльфа, в искренней озадаченности следящего за маневрами жрицы. Вроде бы она не делала ничего запретного близ Цветилища, но то, что она

творила, было весьма странно: вот так взять и лечь на траву. Нет, вообще-то эльфы часто садились и ложились на траву даже осенью, но не посреди странного разговора.

– А как тебя зовут? Ты тоже какой-нибудь жрец в вашем Цветилище или просто рядом прогуливался? – принялась знакомиться Элька, заполняя вынужденную паузу, а попутно надеясь вытрясти из местного жителя что-нибудь полезное для дела.

– Атриэль нель Ильварис, младший блюститель Цветилища, – спохватился эльф, отчаянно покраснев из-за своей невольной грубости. Поведению чужестранки и жрицы Ирилии могли быть какие угодно оправдания, ему же, позабывшему о вежливом обращении, их не дано было вовсе. Руки эльфа взметнулись ко лбу, сердцу, животу, творя ритуальное приветствие. – Да будет светел твой путь, рианна, посланница Совета богов, если в душе твоей нет зла.

– Спасибо, славное имя, – похвалила Элька и уточнила, как обычно, без труда воспроизводя витиеватое имечко: – Слушай, почему вокруг так тихо, Атриэль нель Ильварис, мы же должны находиться рядом с Цветилищем, так? А народу нет.

– Храм рядом, но сейчас начало осеннего сезона, время раздумий в уединении. Для свадеб, посвящений и проводов еще будет время, – недоуменно пояснил собеседник очевидный для него факт. – В Цветилище остаемся лишь я, старший блюститель да высший цветилец. Но старший блюститель отправился на озера к занемогшей родительнице.

– Понятно, надеюсь, его мама быстро поправится, но это даже хорошо, что не сезон, нам удобнее работать будет. Кстати, я тебя не обидела тем, что говорю непохоже на ваши изысканные речи? – спохватившись на середине разговора, уточнила девушка.

– Ты странно изъясняешься, рианна, но я вижу, что не желаешь меня оскорбить своими речами, – искренне улыбнулся эльф и, в свою очередь махнув рукой на правила, что свидетельствовало о несомненной юности остроухого дивнорожденного и некоторой безалаберности, спросил: – Почему вы столь уверены в бесплодности стараний высшего цветильца достигнуть божественной сути Лучнитэль?

– Мощности передатчика не хватит. Мы перед тем, как прийти на Эннилэр, прочли слова Сил Мира. Ваша богиня вышла замуж и переехала далеко-далеко, к супругу, – открытым текстом признала Элька и одновременно с собеседником обернулась на какой-то сдавленный хрип.

Рядом, будто возник из ниоткуда методом магической телепортации или подкрался из беседки так, что его никто не заметил (с остроухими никогда не угадаешь), находился еще один эльф. Он был высок, на полголовы выше первого, и обряжен в травянисто-зеленую мантию, подпоясанную широким и пестрым, расшитым цветочными узорами, вроде разноцветных розочек, поясом. Цвет лица новенького был еще более художественно-зелен, чем мантия. Особенно колоритно это смотрелось в обрамлении нежно-голубых волос, убранных на виски белыми заколками-цветами. (Когда Элька была маленькой, мама закалывала ей волосы в детский садик чем-то похожим.) Судя по жалобному выражению синих глаз, на полтора тона темнее волос, и страдальчески заломленным голубым, пушистым на самых кончиках бровям, цвет кожи не был присущ дивнорожденному изначально. Он обрел его благодаря несвоевременной откровенности разговорчивой чужестранки.

– Высший цветилец! – переплетя тонкие пальцы уже знакомым цветочком, поприветствовал Атриэль зелененького, как гуманоид с тарелочки, и голубоволосого, как Мальвина, эльфа. – Вы завершили медитативное уединение?

– Меня позвали, – прошелестели губы зелененького, двигаясь, будто сами по себе на закаменевшем лице, пушистые кончики бровей обвисли еще больше, словно хвост у несчастного пса, получившего пинок от любимого хозяина. – Дева-жрица просила меня явиться ради срочных вестей... Неужто, Лучнитэль воистину покинула наш зеленый Эннилэр?

Элька кинула взгляд на Мирей, та уже садилась на траве, стряхивая с плаща и платья опавшие листья. Весь лик жрицы был исполнен печального сострадания. Да, на высшего цветильца в самом деле было больно смотреть, настолько он казался потерянным и почти больным. Если не гость с иной планеты, так точно слопавший какую-нибудь тухлятину бедолага, мающийся животом, которому никто не дал марганцовки и активированного угля.

– Ты так не переживай, – сочувственно попросила хаотическая колдунья, хотела было похлопать по плечу несчастного, да вовремя передумала. Ну как его, если на формальностях заиклен, от такой фамильярности не утешение, а кондратий хватит. – Тебе же радоваться надо, что богиня свое семейное счастье нашла, а с цветами вашими увядшими, о которых ты писал, мы разберемся. Вот прямо сейчас и начнем!

– Я писал? – все еще пребывая в шоковом состоянии или, возможно, не до конца вернувшись в мир реальный из мысленных сфер, где пребывал в поисках единения с божественной покровительницей мира, откликнулся недоверчивым эхом цветилец.

– Да, – подошедшая жрица продемонстрировала вещественное доказательство – кляuzu, зачитанную компании Галом не далее часа назад. Для верности плавно помахала бумагой перед тонким носом эльфа и вложила ему в руку, подкрепляя слова тактильными ощущениями. И сочувствующая коллега, и работник Совета богов, и медик-специалист в одном красивом лице!

– Мой скорбный листок. Как он попал к вам? – нашел в себе силы удивиться чему-то необычному, но не настолько шокирующему, как весть о замужестве и последующем исчезновении богини, эльф, машинально сжимая и без того помятую бумагу.

– Из Совета богов, я говорила, – терпеливо повторила Мирей, вероятно уже проведшая первый этап переговоров с эльфом на ином уровне сознания.

– Нет, Мири, он что-то другое имеет в виду. Давайте-ка плясать от печки. То есть сначала. Почему к нам не должно было попасть это письмо, объясните! – попросила Элька, смутно чувствуя, что они с подругой, как Володя Ленин, идут не тем путем.

– На скорбный листок мы изливаем свои тревоги и печали, чтобы отдать дождю. Вода смывает боль, растворяя горестные письма, и тяжесть на сердце слабеет, – раньше тормозившего цветильца объяснил Атриэль гостям мира как мог коротко, хоть и по-эльфийски поэтично.

– Так вот почему вы перенеслись на эту поляну. Высший цветилец оставил здесь на травке этот лист, чтобы он растворился без остатка под осенним ливнем, а кто-то, не дожидаясь ритуального конца ценной жалобы, переправил ее в Совет богов! Неспроста Лукас следы духа на бумаге углядел! – осенило одновременно Макса и Рэнда, но последний успел оформить идею в словесной форме, доступной большинству, быстрее.

Вор аж запрыгал на традиционно раскачивающемся кресле и едва не свалился. Он так торопился поделиться мнением, что даже забыл установить режим прослушивания сообщения для избранных, так что речь его услышали и девушки и парочка эльфов.

– Это наш коллега говорит, он и прочие сейчас в другом мире, наблюдают и, если будет нужна помощь, придут, – наскоро дала справку Элька. – Лукас, наш маг, обследовал ваш скорбный лист и установил, что последним его касался некий дух. У вас на примете никого подходящего нет? Мы обычно с отправителями жалобы стараемся побеседовать.

– Духи? Неужто речь идет об эфирных спутницах Лучнитэль? – предположил печальный цветилец. – Уже несколько луннарий мы не имели счастья зреть их. А раньше всегда чувствовали незримое благое присутствие, бывало, в пышных красках заката, розовым расцветом или лунными ночами мы наслаждались их легким танцем и здесь, и у иных великих древ. Однако ныне, – снова завздыхал жрец, разведя руками так, будто собрался исполнить один из тех самых танцев при луне, – они, как и богиня, недостижимы для нашего зова. Одна

ли из опечительниц направила скорбный лист в Совет богов иль кто иной и с какой целью, мне неведомо.

– Как – с какой? Письмо пришло, перед нами поставили проблему, значит, будем решать! С духами или без них, но будем! – убежденно заявила хаотическая колдунья и неунывающая оптимистка по совместительству. Пусть она до конца не понимала, что именно придется делать, но привыкла к тому, что команда справляется с любым поручением, каким бы сложным, таинственным или абсурдным оно ни было.

Мирей уверенно вернула эльфов, пребывающих в прострации и скорбящих по ушедшей с поста богине, к обсуждению сути прошения:

– Печетесь вы о неких цветах, увядших до срока – так поняли мы из письма. Но неясно, почему столь великое значение горести этой придано вами? В осенний сезон крыло увядания касается всей природы...

– Но не Цветилищ! Никогда до сих пор, от рождения мира до этого сезона! Цветилища вянут! Как нам не скорбеть, как не предаваться великой печали? Милость богини, оставившей нас, уходит с Эннилэра вслед за госпожой, – прошептал цветилец, и синие глаза его наполнились слезами. – Если не будет благоуханных Цветилищ, где обменяться брачными ожерельями двоим, где проститься с плотью уходящим, где принести обеты клянущимся?..

Эльке, сроду не носившей с собой носовых платков, захотелось обзавестись парочкой, чтобы утирать слезы горюющему красавчику. Эдакий симпатичный вид был у скорбящего персонажа! А Атриэль взирал на шефа с откровенным ужасом создания, получившего откровения о конце света из уст пророка. Сначала богиня замуж, потом цветочки... Вероятно, до сей поры высший цветилец не делился своими соображениями даже с младшим коллегой, и тот со здоровым оптимизмом юности считал проблему увядшей клумбы, пусть даже священной клумбы, проходящей неприятностью.

– Значит, речь в тексте не о клумбах, а о Цветилищах, то есть ваших храмах Живительной Силы Природы, и Лучнитэль. Все дело в переводе, – уразумела наконец Элька причину великой скорби. Священные цветы имели колоссальное значение не только в религиозной, но и в общественной и личной жизни эльфов. Именно поэтому засыхание растений на корню грозило обществу социальной катастрофой.

– Можем ли мы взглянуть на цветы? – настойчиво попросила жрица Ирили.

– Если богиня покинула наш мир, к чему все? – вздохнул так, будто являлся вместилищем всех мировых скорбей, цветилец, спрятав лицо в ладонях, и молодой сородич повторил его вздох, заражаясь пессимизмом. Ведь давно известно, что нет ничего более пакостного и заразного, чем эта болезнь! Разве что смех, только веселиться пока было нечему, если только пощекотать унылую парочку.

«А зачем вообще жить, не лучше ли сразу на клене удавиться или в озере утопиться?» – хотела было брякнуть непосредственная Элька, да вовремя прикусила язык. В таком настроении с парочки опечаленных дивнорожденных стало бы взять и последовать ценному совету. И как потом прикажете отчет в Совет богов писать? «Дело закрыто. Тчк. Причина – самоубийство клиента. Тчк.»?

– Послание было передано, значит, на то была воля Сил, – мягко, но за этой мягкостью таилась стальная уверенность в своей правоте, напомнила Мирей.

Именно так она увещевала и наставляла на путь истинный страдающих пациентов и неверующих, встречавшихся на ее пути жреца. И те, хотели того или нет, всенепременно выздоравливали и обретали веру, – сложно противиться твердости, заключенной в столь привлекательную упаковку.

– Пойдемте, – сдался и цветилец.

Высший там или нет, он тоже оставался мужчиной, попадающим под власть убеждения прекрасной и чистой жрицы Ирили. И пессимизм пессимизмом, но так хотелось взять и

понадеяться на лучшее, предоставив право разбираться с проблемой кому-то другому, могущественному, или увидеть, как тот тоже признает свое поражение.

Эльф выпрямился и гибкой танцующей походкой (как ни печалился, а плестись нога за ногу генетически приспособлен не был) первым направился в сторону кленовой рощи, сдобренной густыми зарослями кустарника с ярко-красными гроздьями ягод. Листья его походили на рябину, только стволики были ниже и более разлапистые. Среди них плавно изгибалась не вытоптанная до почвы, а крытая зелененькой травкой, как паласом, тропа.

Глава 6

Дух надежды

Узенькая, ровно на две ладошки или полторы обычных персоны, тропка вела четверку, шествующую цепочкой, через полыхающие багрянцем клены. Элька сразу решила, что в ее мире тут проложили бы как минимум асфальтовую дорожку, как максимум закатали бы в асфальт целый бульвар. Птицы, которым полагалось замолкать по осени, все еще мелодично, пусть и негромко, тренькали где-то над головами, ничуть не смущаясь общества бескрылых двуногих.

Впереди шел Атриэль, и Элька, не тратя времени даром, возобновила расспросы, надеясь немножко растормошить загрустившего блондинчика. Она пристроилась рядом и тихо спросила:

– А почему ты решил стать блюстителем Цветилища? Так сильно хотел служить Лучнитэль?

– Я... – Почему-то кончики ушек эльфа снова покраснели, он исподтишка глянул на высшего цветильца, целиком погрузившегося в океан мировых скорбей, и разоткровенничался. Так поступали многие на первый взгляд сдержанные люди и нелюди, подпавшие под обаяние Эльки. – Мой род счел выгодным заключить союз с западными соседями посредством брачного договора. Я единственный находился в подходящем для обмена ожерельями возрасте. Но...

– Ты же еще молодой, погулять захотелось или невеста не понравилась? – посочувствовала догадливая собеседница без малейшего призыва упрёка в голосе.

– Воистину, о рианна, я не испытывал тяги к семейному союзу, но ради блага рода готов был пренебречь личными склонностями, если бы не назначенная в супруги дева – Кайлис нель Альварин. Она прекрасна ликом, и достоинства ее неисчислимы, но избранница значительно старше меня и слишком сурова нравом. – Тонкие пальцы эльфа нырнули куда-то под мантию и вытащили довольно большую беленькую ладанку на цепочке. Щелкнул замочек, и Элька уставилась в превосходно запомнившееся ей по встрече в ресторане лицо.

– Ой! Я ее знаю, – обрадовалась неожиданности девушка. – Сегодня видела, знаешь, насчет сурового нрава ты прав, для этой дамочки существует ее мнение и неправильное. Твоя невеста пыталась прочесть нотацию насчет того, с кем мне обедать! Пришлось послать прекрасную деву в... лес.

Атриэль совершенно по-мальчишечьи хихикнул, тут же опасливо глянул на спину шефа, но тот ничего не услышал или предпочел сделать вид, что не услышал смеха в столь тревожный для родины час.

– О, эта дева именно такова, поэтому я упрямил дядюшку рекомендовать меня на освободившееся место блюстителя, сообщив роду, что желаю служить Лучнитэль и эта тяга превышает стремления к брачным узам. А медальон я поклялся родительнице носить как напоминание о долге, ожидающем меня за порогом Цветилища, – закончил чрезвычайно лаконичный для дивнорожденного рассказ мятежный член эльфийского рода.

– И каждый раз, когда думаешь, что в Цветилище скучновато, глядишь в лицо Кайлис, и сразу становится жуть как весело, – подвела итог Элька.

Юноша только опустил длинные ресницы в знак согласия с выводами посланницы Совета богов и спрятал медальон под одежду, а у хаотической колдуньи уже был готов следующий вопрос. Мотнув головой вперед и указывая подбородком на гибкую фигуру высшего цветильца, Элька поинтересовалась шепотком:

– А он всегда такой печальный пессимист или очень из-за цветов переживает?

– Высший цветилец очень огорчен увяданием Цветилищ, но в осеннюю пору и в лучшие времена он никогда не был склонен к веселью, – ответил источник информации и пояснил, видя откровенное непонимание на симпатичном лице внимательной слушательницы. – Он истинный избранник Эннилэра! Его нрав – отражение смены сезонов Живой Природы: осенью – печаль, зимою – покой, весною – любовный трепет, летом – веселье. Ты же видишь голубой отлив волос!

– То есть настроение высшего цветильца и колер зависят от времени года, – удивленно протянула девушка, раньше не слыхавшая о таких уникамах.

– Несомненно, – подтвердил Атриэль, не видя ничего странного в своем рассказе.

– Стало быть, проблема с клумбами только усугубила его романтическую печаль, превратив в черную меланхолию! А как меняется шевелюра? – уточнила Элька.

– Осенью цвет волос цветильца голубой, как цветущее небо, зимою белый, словно снега, укрывающие землю, весной зеленый, будто первый листок, а летом алый, точно спелая грановика, – поэтично объяснил Атриэль метаморфозы волосяного покрова начальника, которые явно не обошлись без магии эльфов. Он говорил так обыденно, как растолковывал бы малому ребенку элементарные понятия, что вода мокрая, а камень твердый.

– Здорово, а я вот зимой и летом одним цветом, как елка, может, тоже покраситься? Вот рыжей я чего-то давненько не была.

На заднем плане, у зеркала, кто-то тихо не то вздохнул, не то простонал. Элька хихикнула и заметила для друзей:

– Нет, не буду, рыжий у нас уже есть. Красивей, чем у Лукаса, не получится! – И не успел еще кто-то там, в доме, выдохнуть с облегчением, как проказница закончила: – Если менять цвет, то только на кардинально фиолетовый!

Рэнд прыснул, оценивая шутку, Макс простодушно заметил, что светлые волосы подруги ему очень нравятся, а Элька уже почти серьезно заключила, подводя итог беседы с Атриэлем:

– Если у вашего начальника такие сезонные перепады настроения, тогда остается лишь радоваться, что Лучнитэль ушла осенью. Если б вашему цветильцу хотелось летнего веселья, а нужно было по-осеннему горевать, он мог и свихнуться от противоречивых чувств.

И, несмотря на мрачность ситуации, молодой эльф снова не удержался от короткого смешка, видно, слишком явно представил сходящего с ума босса...

Вскоре тропинка вывела путников к огромному дереву. Это был не клен – типичный представитель флоры Эннилэра, на которых гости насмотрелись уже предостаточно, а здоровенный, мало кому доводилось видеть такие, валисандр. Огромное дупло внизу служило распахнутыми настежь воротами, ведущими во чрево древа. Пожалуй, двери в дом компании были поменьше раз эдак в пять. Живой, здоровый, дышащий жизнью и властной красотой великан был Лесным Храмом. У самых корней великого дерева, окружая его, стлался гигантский разноцветный ковер цветов. Кажется, самых разных видов, но, приглядевшись повнимательней, Элька поняла, что растения здесь одной-единственной разновидности, похожие на бордюрные розы, только всевозможных, воображаемых и даже невообразимых, расцветок. Именно эти культовые растения и украшали вышитый этнический пояс высшего цветильца.

«И что их не устраивает? Кто тут вянет, кроме наших ушей, от эльфийских вздохов?» – удивилась Элька, хлопая глазами на великолепную клумбу, каковой не видела даже на картинках с выставок всяких там цветоводов-фанатов из Голландии. Однако, подойдя ближе и приглядевшись внимательнее, сообразила: дивнорожденный цветилец в своем скорбном листке не соврал. Мелкие розочки и впрямь имели слегка усохший вид, несмотря на то что земелька под ними была влажной и вполне даже плодородной, с точки зрения Эльки, про-

возившейся в отрочестве немало часов на производственной грядочной практике отнюдь не в добровольном порядке.

Мирей, не дожидаясь особого приглашения или разрешения, прошла к грандиозной клумбе, опустилась на корточки, отложила посох и зарылась обеими ручками прямо в грунт под цветочками. Прикрыла глаза, застыла на несколько секунд, потом медленно промолвила, вероятно пребывая в жреческом трансе единения с природой в целом или священной клумбой в частности:

– Эти цветы особые, им нужна не только влага, земля и свет солнца...

«На свету и в хлоропластах из воды и углекислого газа...» – нехстати всплыло из запасников Элькиной памяти определение фотосинтеза, а Мирей продолжала:

– Они нуждаются в иной силе, и запасы ее на исходе! Бедняжки! – Эльфийка от всей души пожалела растения и зашептала: – Ирилия всеблагая, снизойди к Очам своим, даруй силы, в коей нуждаюсь, пусть прольется она целительной влагою и напоит страждущую землю!

Руки эльфийки, читавшей молитву, окружило золотое искристое сияние. Оно стекало, будто вода, на подвядшую клумбу и распространялось кругами, все дальше и дальше вокруг древа по цветущему ковру. Под действием живительной силы цветы, будто в убыстренной съемке, поднимали головки, расправляли листочки, наливались свежим соком. Восторженные вздохи цветильца и молодого хранителя раздались слева от Эльки. Клумба снова сияла свежестью и красотой! Легкий, едва уловимый прежде запах тоже обрел новую силу, разливаясь в воздухе ароматом изысканных духов: свежим, легким, увлекающим нюансами полутонов. Этот аромат хотелось вдыхать и вдыхать, его хотелось пить, обернуться им вместо плаща и навсегда забрать с собой на память.

Мирей прошептала благодарность своей богине, откликнувшейся на зов, и встала. Сознание выполненного дела было на прекрасном лице целительницы, но не радость.

А руки ее, между прочим, как подметила хаотическая колдунья, оставались совершенно чистыми, без всякого следа почвы на коже и под длинными ноготками. Вот Эльке на прополке никогда не удавалось такого фокуса. Даже через два слоя перчаток (резиновые и матерчатые) земля умудрялась пробраться внутрь какими-то партизанскими тропами и накрепко обосноваться в лунках ногтей. Причем – вот зловредный парадокс! – чем свежее и красивее был маникюр, тем больше земли оказывалось под ногтями.

– На какое-то время цветам хватит силы моей богини, но сей храм не единственное Цветилище вашего мира, – промолвила Мирей, не вопрошая, но утверждая, может, почерпнула эти сведения через общение с храмовой растительностью.

– Благодарим тебя, жрица Ирилии, за помощь! И глоток для умирающего от жажды – щедрое подношение, – поклонился цветилец, демонстрируя руками очередную фигуру «чашечка цветка». – Признательность наша безмерна, но речи твои правдивы. Скорбью полнятся наши сердца при мысли о неминуемом увядании великолепных Цветилищ – знака божественной милости к нашему миру, нашей великой радости и отраде.

– Значит, все-таки надо поискать того духа, который отправил письмо. Если нет идей у вас, вдруг у него есть какой-то план спасения драгоценных цветочков на всем Эннилэре? Жалко, конечно, что вы спутниц Лучнитэль видеть и ощущать перестали, но должен быть способ их найти, если даже не они зелененький листик в Совет богов переправили, то, наверное, знают того, кто это сделал, – предложила Элька, озвучивая поданное в более изысканной форме настойчивое предложение Лукаса.

– На молитвы спутницы-опечительницы Цветилищ более не откликаются, иного способа воззвать к ним нам неведомо, – расстроено констатировал высший цветилец. Атриэль лишь вздохнул, в знак солидарности с боссом на предмет отсутствия гениальных идей по

поиску духов и возрождения Цветилищ. Все песни-молитвы он знал наизусть, но не места, где обитают духи до и после своих танцев у цветочных клумб.

Впрочем, Элька даже не надеялась на конструктивные предложения от местного населения, она рассчитывала на куда более сообразительных коллег. И не прогадала! Мосье маг, щадя потрепанную чередой потрясений нервную систему эльфов, звук убрать не забыл, так же как и не позабыл навести чары отвлеченного внимания, когда обратился к девушкам с речью.

– Мадемуазели, у меня есть некоторые соображения касательно закономерностей явления духов, – поделился информацией маг. – Вероятно, уход богини лишил притока благословенной энергии не только священные цветы, но и самих духов-опечителей. Именно поэтому они утратили возможность влиять на мир материальный и более не являются зримо в Цветилищах.

– А не могли они просто уйти с Лучнитэль? – подкинул вопрос Фин.

– Нет-нет, мосье, эфирные создания такого рода привязаны к миру, их породившему, чрезвычайно редко они осмеливаются пересекать его границы и неизменно возвращаются, – убежденно возразил Лукас, и поскольку являлся единственным в команде экспертом по духам, Впрочем, по духам тоже, ему поверили безоговорочно.

– Ага, значит, духи не пеленгуются, потому что им неоткуда стало подзаряжаться, – уяснила Элька и заинтригованно протянула, ожидая выводов мосье: – И как нам решить эту проблему?

– Возможно, мы могли бы помочь созданиям эфирным проявить себя в мире предметном посредством передачи частицы своих сил, – изящно оформил практическое предложение специалист по магии широкого профиля.

– Полагаете, мне следует вознести молитву Ирилии? – озадачилась Мирей.

– А где и как конкретно искать незримых? – в унисон осведомилась Элька.

– Вам искать не придется, и молитв, надеюсь, не понадобится. Если духи были столь тесно связаны с Лучнитэль, что ее уход лишил их силы, то от Цветилища, дома богини на земле, а значит, их собственного приюта, отдалиться не способны. Пока вы шли к храму, я счел возможным нанести визит в библиотеку к сеору Рогиро, а по пути заглянул и в магическую комнату.

– По пути? Напомните мне, чтобы я с этим типом никуда не ходил на пару, коль буду спешить. Это ж надо, на третий этаж через подвал шастать! – мимоходом отпустил шпильку Фин.

Лукас усмехнулся и продолжил:

– Сеор призрак был заблаговременно уведомлен о цели наших поисков. В случае необходимости он согласился оказать помощь в розыске духов и приглашении оных к диалогу. Соболаговолите принять шар Лахтера, мадемуазель Элька. Вы насытите его своей силой. Чистая энергия хаотической магии не отмечена знаком богов, а значит, не покажется чуждой бесплотным служителям Лучнитэль. Коль они откликнутся на зов, то, напитавшись через шар, обретут силы для беседы, – разъяснил маг, как оказалось, успевший за считанные минуты на основании обрывочных сведений разработать детальный план и предпринять первые шаги к его воплощению. Возражений от полевых или уж вернее, клумбово-цветилищных работниц не последовало.

– Ты заранее знал, что Мирей и Элька не найдут духов? – удивился Макс, хоть и отличавшийся великолепным аналитическим мышлением, но таковых выводов не сделавший.

– Пророком в пару к Мирей заделался? – испытующе поддакнул Рэнд.

– Нет, мои друзья, сей дар – исключительная прерогатива жрицы Ирилии, я опирался только на сведения о нелюдимости большинства духов и их склонности к уединению или

обществу себе подобных, – коротко объяснил Лукас и был награжден благоговейным и почти комическим в исполнении мнемоба Макса вздохом: «Ты столько всего знаешь!»

– Вы знаете ничуть не меньше моего, коллега, но по несколько иным темам, – мягко ответил мосье скромному гению и позвал вполголоса: – Сеор Рогиро?

Вызывая призрак, как правило, орали лишь Рэнд и Элька, да еще так орали, будто ильтариец находился как минимум на другой планете.

– Разумеется, я постараюсь найти их, – подтвердил вышеназванный галантный сеор, эффектно проявляясь у зеркала в зале совещаний.

Он слишком многим, в частности возможностью вновь изведать все радости плоти, обязан был сеорите Эльке, чтобы кочевряжиться, отказывая в услуге. Кроме того, и это было не последней из причин, сеору Рогиро было до смерти любопытно, в какую авантюру на сей раз вляпались его фактические работодатели. Ведь ильтарийский призрак, несмотря на новые возможности, по-прежнему являлся штатным библиотекарем божьих помощников, и, что греха таить, от работы с книгами и от возможности поучаствовать в решении проблем в мирах Рогиро Гарсидо получал невероятное удовольствие. Просто, в отличие от Эльки, не оповещал об этом всех и каждого.

– А разве шар используется не для проверки таланта? – мимоходом удивилась Мирей, припоминая свой личный опыт и первые дни в команде, когда посредством этого предмета мосье Д'Агар исследовал магические дарования коллег. Тогда-то впервые и выяснилось, что Элька – натуральная хаотическая колдунья, очень редкий экземпляр волшебницы, а Гал не только угрюмая, но и абсолютно антимагичная личность, разрушающая чары одним своим присутствием (сила воли и никакого колдовства или, упаси Творец, мошенничества!).

– Все так, мои дорогие. Но тест основан именно на невольной передаче испытываемым незначительной частицы своей силы шару Лахтера и резонансных колебаниях, вызываемых этой силой. Вторую функцию я у шара заблокировал, оставив лишь способность к приему энергии. Коль хаотическая магия Эльки действительно руководствуется ее желаниями и мадемуазель захочет передать порцию своей силы шару, то изголодавшиеся духи, получившие приглашение и почувствовавшие свободное течение магии, должны явиться незамедлительно, – разъяснил хитроумный маг свой почти коварный план.

– То есть Рогиро как призрак отыскивает незримых для нас созданий, пеленгует их и приглашает «подзаправиться». Если все получится с шаром, прекрасно! Ну а нет, значит, мои предположения относительно свойств дара неполны или ошибочны, и мы все равно в плюсе, потому что проверили теорию. А ты для общения с духами придумаешь другой способ, если уже не имеешь в рукаве запасного, – закивала Элька, протягивая руки.

Лукас коротко улыбнулся в знак согласия и передал ей выглядевший как хрустальный, но отнюдь не бывший таковым прозрачный шар размером с маленькую дыньку. Одновременно Мирей мигнула в пространстве: Эннилэр – зал совещаний – Эннилэр, переправляя незримого для эльфов Рогиро. Привидение тут же отправилось на поиски. Маг развеял заклятие отвлечения внимания.

– Мы попробуем позвать духов для разговора, – коротко объяснила жрица паре эльфов, в молчаливом, исполненном надежды ожидании взирающих на потенциальных спасителей.

Кстати, были ли в округе другие живые обитатели мира, кроме жрецов, вроде подсобных рабочих, обслуживающих Цветилище, осталось для Эльки секретом. То ли они умели очень хорошо прятаться, то ли не решались приблизиться к высшему цветильцу и сопровождавшим его лицам! Главное, что никто не мешал.

– Внимание, хаотическая магия! Лукас, ты там точно вторую функцию заблокировал? А то, как начнется дождик из яблок или на сей раз из дыnek (Элька их тоже любит!), то-то весело будет! Может, все-таки попросим эльфов отойти подальше, на другой конец

полянки? – раздался на периферии ехидный шепоток Рэнда, потом послышался отчетливый звук легкого подзатыльника, нанесенного рукой Гала, и возмущенное шипение вора: – За что, я ж только предложил!

Но Элька уже не обращала внимания на шуточки. Она целиком сосредоточилась на ощущении пушистого тепла в ладошках и своем желании заполнить этот теплый шарик чистой силой, заставить его сиять, как маленькое солнышко, привлекая изголодавшихся духов, точно раздача бесплатного супа. Шар Лахтера становился все теплее и ярче, а потом девушка почувствовала, как ее ладони накрыли чьи-то прохладные незримые длинные пальцы. Ровный свет шара замерцал, Элька ощутила поначалу слабый, но нарастающий сперва медленно, а потом все интенсивнее отток энергии. Словно путник, истомившийся от жажды в пустыне и неожиданно набредший на ручеек, сделал первый робкий глоток, еще не веря в реальность воды, а ощутив блаженный вкус на языке, начал пить торопливо, захлеб.

Следом за ощущением рук и оттока силы появилось изображение.

Глава 7

Незримые поиски, ларец и лепесток

– Иолир! – не столько выдохнули, сколько пропели благоговейным и благозвучным хором эльфы, проведя визуальное опознание.

А Элька, поверх чьих рук продолжал крепко держать свои тонкие пальцы прекрасный дух, невольно процитировала мысленно:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Да, незнакомка воистину была восхитительной иллюстрацией в стиле фэнтези к стихотворению Александра Сергеевича Пушкина. Высокая девичья фигура с гибким станом, в светло-голубом легком платье, толстые косы цвета спелой пшеницы, безупречные черты лица. Но прекраснее всего были глаза: огромные, в пол-лица, выразительные, мудрые и в то же время лукавые. Они зачаровывали, приковывая взгляд почище чувственного вампирского гипноза.

«Вот ваш дух, сеорита, – сварливо отчитался на ухо хаотической колдунье призрак Рогиро, – она и сама желает поговорить, обождите немного, пока войдет в силу, а меня, пожалуй, переправьте назад. Эльфийские миры слишком чудесны для такого старого развратника».

Почему-то Эльке показалось, что привидение чем-то озадачено, почти оскорблено, но совершенно не желает этого демонстрировать. Однако выяснять подробности сейчас было несколько несвоевременно. Рогиро исчез, а дух, названная эльфами Иолир, разомкнула перламутрово-розовые, как лепесток цветка, уста и, нежно поглаживая пальчики энергетического донора, изрекла мелодичным, точно флейта, голосом:

– Я просила, на это ушли почти все мои силы, но вы пришли! Цветы снова благоухают, хвала Творцу! Вы оживите другие Цветилища и вдохнете силу в опечителей?

«Да, сдается мне, гениального плана у красотки нет», – хмыкнул закадровый голос – Рэнд.

– Сколько Цветилищ на Эннилэре? – уточнила Мирей, не давая обещаний раньше, чем будет способна рассчитать свои возможности.

– Столько, сколько лепестков в священной вастрене Лучнитэль – триста тридцать три, – несказанно обрадовала помощниц Иолир, все еще не отрывая пальцев от рук хаотической колдуньи, а поглаживания становились какими-то слишком уж настойчивыми. – А ныне мы вознесем хвалу Творцу и Животворящим Силам Эннилэра?

Лучистые глаза как-то по-особенному глянули на Эльку, а ладошки духа скользнули вверх по рукам девушки, кажется имея в виду какой-то весьма специфичный несловесный тип молитвы.

– Высшая ступень жизненного цикла? Совершенная душа, исполненная благих стремлений? Лукас, да она Эльки нагло домогается?! – оторопело, слишком оторопело, чтобы возмутиться, выдохнул Фин.

Смущенно закашлялся Макс. Неодобрительно засопел Эсгал, надменно фыркнул оскорбленный в лучших чувствах дамский угодник Рогиро.

– Для эльфов подобное поведение не является признаком низменных инстинктов, – не без скорби, сам-то он тоже обожал красивых женщин и предпочитал, чтобы они, соответственно, обожали его, констатировал мосье инкуб. – Но, полагаю, до применения силы дело не дойдет, мадемуазель вольна дать добровольное согласие или отказаться.

– Эй, Иолир, ты, конечно, очень красивая, но я парней люблю, извини, – поспешила воспользоваться завуалированным ценным советом Элька, теперь-то понявшая, чего так разобиделся ильтарийский сеор. Скорее всего, призрак-Казанова пытался приударить за симпатичной девицей высшей категории и мигом получил от ворот поворот. Она аккуратно высвободила руки из цепких пальчиков духа и попросила: – Давай лучше о Цветилищах поговорим.

Элька отошла подальше от неправильно ориентированной «совершенной души» и аккуратно положила шар Лахтера на траву рядом с воскресшей шикарнейшей клумбой. Прежде чем отправлять его назад к Лукасу, следовало убедиться, что предмет больше не понадобится. Эльфы, вероятно знакомые с повадками Иолир, потому и не приблизившиеся сразу, теперь подошли к собеседницам с удвоенным ожиданием чуда в широко распахнутых глазах. Подруги переглянулись. Мирей честно признала: «Ирилия поможет, но чтобы обойти все Цветилища, даже при помощи магии перстней, нам не хватит и дня. Должен быть иной способ».

– Неужели ваша Лучнитэль лично поила все Цветилища силой? Как у нее только времени на это хватало? – вслух озадачилась Элька, машинально поигрывая сережкой в мочке уха. В природе божественного девушка разбиралась слабовато, но свое неумное любопытство слегка придерживала, не желая слишком рьяно интересоваться теми, кто может, небрежно поинтересовавшись тобой, перевернуть вверх тормашками всю счастливую жизнь. – Или для богини это было легко?

– Истоки силы издревле были здесь, потому и воздвиглись в благословенных местах Цветилища Лесные Храмы, – промолвила печально Иолир, кажется, духа ничуть не обидело нежелание Эльки «возносить хвалу» («не хочешь, как хочешь, я тебя вычеркиваю», – как в анекдоте про список на ужин ко льву). Она уже занялась другими, более благосклонными к ее невинным ласкам созданиями. Поглаживала перышки слетевшихся на плечи пестрых птичек, почесывала головку прыгнувшей прямо на руки огненно-рыжей белки и продолжала рассказ: – Сначала ушла Повелительница, но цветы жили, и мы присматривали за ними, как и за другими созданиями Великого Леса, а потом что-то случилось, была сильная гроза, качалась земля, и сила тоже исчезла в одночасье. Мы были слишком беспечны, думали, это ненадолго, реки энергий вернутся в прежнее русло, и гармония восстановится, но этого не случилось. А духи, поддерживая Цветилища, истощили себя до истаивания обличий...

Иолир переплела пальчики «цветком» и печально вздохнула, взгляд, устремленный на посланниц Совета богов, присоединился к молящей четверке мужских эльфийских очей. Легкое светло-голубое, совсем не по осенней погоде, платье духа чуть колыхалось от ветра, которого не было, волосы, туго заплетенные в косы и скрепленные маленькими заколочками-розочками по всей длине, лежали неподвижно. Замерла и сама просительница.

Ответ пришел в виде бормотания осененного очередной гениальной идеей Макса Шпильмана. До Эльки донеслись сначала лишь обрывки словесного потока, при переводе коего сбоил даже универсальный переводчик – подарок Связиста, обязанный переводить все, всегда и везде: икосаэдро-додекаэдрическая система... квазикристалл... силовым каркасом... геоэнергетические линии...

– А что такое икосаэдро-додекаэдр? – уточнила Элька, хватаясь за кончик словесной веревочки, как утопающий за соломинку.

Первый из переведенных терминов смутно напомнил ей что-то из геометрии. Никак не соображая, каким образом раздел математики, занимающийся изучением свойств фигур,

может помочь беде, Элька заодно прищелкнула пальчиками, включая звук обсуждения для местного населения. Пусть слушают, не отвлекают, а вдруг и что ценное подскажут.

– Фигура, состоящая из двенадцати правильных пятиугольников и двадцати треугольников, – машинально отозвался умница Макс с легким удивлением, как можно не знать столь элементарных вещей.

Элька зажмурилась и потрясла головой, прогоняя футуристическое видение, услужливо нарисованное богатым воображением, почему-то дремавшим на уроках пространственной геометрии. Хвала уж тому, что не спало беспробудным сном и все-таки обеспечило в аттестате твердую четверку.

– Мосье, как мы понимаем, у вас возникли некоторые соображения по поводу проблем Энниэра? – тактично прервал свободное падение технаря в пучину специфической терминологии маг. – Не могли бы вы изложить свою теорию максимально доступно для непосвященных?

– Вот-вот, помнишь, Элька как-то говаривала, мы тупые, мы очень тупые! – прозаически встрял Рэнд, никогда не занимавшийся пространственной геометрией иначе, чем решая на время практическую задачу о строении сложного замка и подбора соответствующей отмычки.

– О, тут все очень просто, – настораживающе начал, так, как обычно начинал излагать самые замысловатые постулаты, Шпильман. – Любой мир, как ячейка в структуре ткани Мироздания, по мнению ряда ученых, имеет плетение формы кристалла, в чьих узлах, если примитивно принять форму как каркас, располагаются уникальные точки силы, отмеченные особенной флорой и фауной, залежами полезных ископаемых или ставшие центрами культуры и религии. Точки пересечения основных фигур каркаса совпадают с планетарными разломами, зонами активных процессов в земной коре, а центры мировых геомагнитных аномалий приходятся на вершины многогранников...

– Максик, солнышко, – ласково попросила Элька, умильно складывая ладошки, – еще проще и короче! Пожалуйста! Считай, что ты объясняешь первый закон термодинамики клиническим идиотам с провалами в памяти! И с какого бока эта теория касается наших увядающих цветочков?

– По сути, кристалл сетью пронизывает всю поверхность мира, является его энергетическим телом. И, как тело, обладает свойством подвижности. Скорее всего, на Энниэре произошло смещение узлов сетки или изменение самой ее формы, так бывает, скажем, даже при незначительном изменении положения мира относительно других миров в структуре ткани Мироздания. Дух ведь упоминала о грозе и землетрясении! Нити теперь переплелись по-новому, поэтому Цветилища лишились подпитки, – горячо постарался растолковать Шпильман элементарное, с его точки зрения, положение дел коллегам, тщетно пытающимся уследить за полетом технической мысли гения. – У меня есть прибор, позволяющий считывать энергополевою природу сети Мироздания и переносить ее на карту. Если мы узнаем, где теперь находятся сместившиеся узлы, то сможем запитать от какого-нибудь из них, максимально мощного, систему храмов.

– Ага, ты хочешь отыскать самый большой новый источник силы и с его помощью поддерживать цветение Цветилищ, – уразумела Элька, в процессе объяснений приятеля едва не открутившая сережку вместе с маленьким ушком в придачу. Такого напряженного внимания не достаивался ни один из преподавателей математики, даже самый симпатичный и молодой Сергей Иванович, иначе как Сереженькой не именуемый ни педагогами, ни учениками. Но, с другой стороны, от понимания новой темы урока никогда и не зависела судьба мира, а проваленная контрольная концом света статья никак не могла. – Лукас, это возможно?

– Теоретически да, мадемуазель, но прежде необходимо соединить магической сетью все триста тридцать три Цветилища, а моих скромных сил, как и сил мадемуазель Мирей,

на это не хватит. Она не сможет пропустить через себя и удерживать достаточно долго для создания сети такой поток силы, даже если Ирилия пожелает помочь, – озадаченно признал Лукас. Даже не глядя на мосье, Элька могла бы сказать, что тот опять трет свою бедную бровь. (И как она до сих пор не полысела?) – Если бы у нас была хоть какая-то модель, подобие расположения Цветилищ, несущая в себе частицу их сути, это существенно облегчило бы решение проблемы и сократило потребность в прилагаемой силе.

– Как жаль, что утрачен венец Лучнитэль, – подал голос высший цветилец, расхаживая вдоль клумбы столь быстро, что казался голубовато-зеленым мерцанием на фоне цветочной пестроты, и взволнованно пояснил своим зримым и незримым собеседникам: – Сия священная реликвия, некогда хранившаяся в нашем Цветилище, олицетворяла священную вастрену – цветок нашей богини, и все храмы мира, возможно, с ее помощью...

– Почему утрачен? – двумя птицами взлетели пшеничные дуги бровей Иолир, а тонкая рука легла на высокую, для эльфийки, пожалуй, даже пышную грудь. Пестрые птички предупредительно взлетели, рассеившись на ветках ближайших деревьев. – Венец по-прежнему в храме, только взять его и увидеть невозможно. Лучнитэль сама переставила и закрыла ларец, когда примеряла венец в последний раз, и он стал незрим ни смертным, ни духам.

– Модель могла бы пригодиться, – оживился маг и замолчал, предоставляя коллегам женского пола, как самым привлекательным для духа, начать уговаривать Иолир.

– Если вы хоть примерно знаете, где его поставили, покажите высшему цветильцу место, пускай он нащупает ларец и принесет венец, – выпалила Элька, не думая о том, говорит она что-то неудобное или смущающее.

– Показать место?.. Но Лучнитэль сама закрывала... – неуверенно нахмурилась Иолир, приоткрыв в раздумье чудный ротик. Видимо, четких указаний по допуску к святыне богиней отдано не было. – Мы не сможем коснуться реликвии.

– Ваша богиня покинула мир, теперь его будущее в ваших дланях, – мягко напомнила сомневающейся красавице Мирей.

Но всем было совершенно очевидно, что жрица (а возможно, и Ирилия, взирающая на мир ее глазами) такой вопиющей бесхозяйственности и безответственности, почти предательства по отношению к пастве, не одобряла. Как бы счастлива ни была Лучнитэль, но оставить мир на попечение младших духов, не дав им никаких инструкций на экстренный случай и «телефона вызова спасателей», казалось понимающей и совестью эльфийке преступным разгильдяйством.

– Х-хорошо, – поразмыслив, растерянно согласилась дух, еще не отвыкшая проявлять инициативу, а иначе послание высшего цветильца никогда не оказалось бы на столе у команды посланцев Совета богов. Иолир сделала знак рукой: – Пойдемте, я покажу, где обычно стоял ларец с венцом, Лучнитэль не могла убрать его далеко.

Стоит ли говорить, что вся компания не стала скромно отказываться и последовала за прекрасной проводницей в Лесной Храм. Ступая прямо по ковру из мелких пестрых роз, которые здесь носили имя «вастрены», заинтригованные и исполненные благоговения спутники прошли по овальным ступеням, похожим на наплывы древесной смолы, под светлые своды храма-дупла. До Эльки только сейчас дошло, что большие окна в этом святилище тоже вырезаны в форме головок цветков и затянуты не стеклом, а какой-то прозрачной, точно тюль, тканью, превосходно пропускающей свет. Внутри оказалось гораздо теплее, чем снаружи, несмотря на открытую настежь дверь. То ли эльфийская магия, то ли особенность волшебного по своей сути древа валисандр не пускала в храм осенней свежести, но давала дорогу живительному свету солнца. Пахло почему-то весенней листвой, соком трав, смолой, восхитительными ароматами вастрен и было очень уютно. Стены были покрыты искусной резьбой на растительные и животные мотивы с вкраплением разноцветных камней – сердцевин цветочных чашечек, глаз зверей и птиц и красивыми гобеленами с теми же моти-

вами, к которым присоединялось изображение юной красавицы в окружении чуть менее прекрасных товаров. «Лучнитэль с духами-спутниками», – решила для себя Элька. Из центральной залы с каменным алтарем-вастреной в центре арочные проходы вели в помещения поменьше. Иолир уверенно свернула направо и остановилась перед простой деревянной нишей и столь же незамысловатой резной скамьей рядом.

– Вот! Он здесь! – указала дух в сторону укромной ниши и вновь повторила загадочное условие: – Но ни смертный, ни дух не сможет нащупать его, если не увидит!

– И не увидит, пока не нащупает. Замкнутый круг, эльфы вокруг! Лукас, что будем делать? – спросила Элька, являющаяся единственным представителем хомо сапиенс в храме, если не на всем Эннилэре, впрочем, ничуть от этого не комплексующая. Отключать звук она опять не стала, пусть все присутствующие будут в курсе поисковых работ!

– И чего сразу Лукас? – как обычно, передразнил интонации подруги вор и, напыжившись, слишком нарочито, чтобы это было искренним проявлением оскорбленного самолюбия, провозгласил: – У меня, между прочим, есть не только идеи, но и готовый способ решения вашей маленькой задачки!

– Давай! – незамедлительно, ничуть не удивившись предложению Рэнда, потребовала хаотическая колдунья.

– Вот так сразу «давай, а «не Фин, какой ты умница и молодец, как я тебя люблю!» – Бурча под нос привычные шутки, Рэнд принялся рыться в походной сумке, как обычно, пребывающей под креслом, чтоб не ходить далеко, если чего понадобится. Сейчас вор извлек из внутреннего кармашка небольшой, с теннисный мячик шарик, похожий на изделие из матового стекла. Перебрасывая его Эльке через зеркало, объявил:

– Это воровская лампадка, в храме самого Ловкача Джея освященная! На прошлых выходных заимел, еще даже не опробовал! Потри ее об одежду, как засветится, пройдишь по нише. Когда свет упадет на скрытый магией или другой силой предмет, тот должен стать видимым! Мири, тебе не отдаю, вдруг от благословения целомудренной Ирили испортится, а вот Эльке в самый раз будет. Джей веселых девчонок любит!

– Класс! Фин, ты умница, и я тебя, конечно, обожаю! – оценила Элька врученный «прибор», немедленно шоркнув им по одежде. От трения шарик засиял нежно-голубым светом.

– Должно быть, это очень ценный и дорогой артефакт, мосье, – заинтригованно отметил мосье маг.

– Ценный, а дорогой... – Рэнд хитро ухмыльнулся, – не знаю, еще никто и никогда воровскую лампадку Джея не покупал, ее только украсть в храме можно. Если получилось, значит, милостью Ловкача она твоя!

– Своеобразный способ одаривать почитателей, – только и нашел что сказать Лукас, которому могло прийти в голову многое, особенно по части нарушения приличий, но никак не кража в храме. Впрочем, в храме Бога Воров, наверное, это был самый логичный поступок!

Элька тем временем, четко следуя инструкциям Фина, прошла по нише вперед и направо, к скамейке. Миленьким голубым светом озарялся уютный мирный уголок Храма. Вот шарик осветил выступ-полочку над скамейкой и обрисовал контур того, что ранее было незримо. Нечто массивное, прямоугольное, мерцающее голубыми искорками по обводу, словно этот предмет находится одновременно здесь и еще где-то. Вот как цветилец во время медитации в беседке.

Радостно вскрикнула Мирей, хором вздохнули мужчины.

– Есть! – обрадовалась хаотическая колдунья, решив, что находка по форме вполне соответствует заданным параметрам поиска. – Вот он, голубчик! Давайте берите!

– Я сотни раз приходил сюда для раздумий и ничего не замечал, не чувствовал! – в замешательстве с примесью толики оскорбленного самолюбия промолвил печальный высший цветилец. Обида просачивалась сквозь завесу осенней меланхолии.

Эльф решительно сжал губы и протянул вперед руку, пальцы ощупали и сжались на объекте, почти незримом обычному глазу, и вытащили его из ниши. Прямо в ладонях цветильца проявился ларец. Довольно большой, с две головы, весь – резное дерево очень светлого, почти белого, оттенка. Мотивом узора, как и следовало ожидать, оказалась неизменная вастрена. Кажется, богиня Лучнитэль малость помешалась на этих цветочках, или на них сдвинулись ее эльфийские почитатели. Да что взять с дивнорожденных ценителей прекрасного? Маленькая розочка была довольно милым фетишем, в отличие, скажем, от пауков.

Элька просияла довольной улыбкой и вернула воровскую святыню владельцу. Если уж вещь нашлась, то исчезнуть снова после отключения специфического освещения не могла. Цветилец попробовал приподнять крышку ларца – тщетно. Та ни в какую подаваться не желала.

– Как он открывается? – спросила Мирей, сочувствуя почти детскому разочарованию на лице высшего цветильца.

– Лучнитэль всегда просто открывала его, – пожалла плечиками дух не менее растерянно, чем держатель святыни, и пояснила: – Поднимала крышку, и все!

– Слово-ключ, или он заговорен был на руки богини, или она нажимала скрытую пружинку в резьбе, – с ходу предложил три возможных варианта Рэнд, пряча лампадку в карман. Специалист по замкам и запорам, попав в родную среду начал действовать быстро и четко, не дожидаясь ничьих указаний. – Надо попробовать! Ну-ка, дорогу профессионалу, господу и дамы!

Не дожидаясь ничьих разрешений и советов, вор подскочил с кресла и, как был с верным крысом на плече, явился в Лесном Храме Эннилэра. Худощавый, востроносый, с веселыми голубыми глазами, фантастическим обаянием и хитрющей улыбкой прожженного плута, он отвесил короткий приветственный кивок всем присутствующим и объявил:

– Я – тот самый Рэнд Фин, тоже посланник Совета богов. Замки – мой профиль! Чем сложнее, тем интереснее!

Профессионал нетерпеливо протянул пальчики к крышке ларца, который все еще держал на весу эльф. Едва подушечки коснулись дерева, как по крышке промелькнула зеленая вспышка, и прыткого парня отбросило от предмета исследований к соседней стене, может, он полетел бы дальше, да некуда, а сила ускорения была не настолько велика, чтобы пробить навывлет крепкую древесину валисандра.

– Ого! На нем еще и защита поставлена, – восхищенно ругнулся Фин, ничуть не обиженный таким отпором. Скорей увидел в нем вызов интеллекту и своим способностям взломщика. Встряхнувшись, ничуть не пострадавший Рэнд легко вскочил на ноги.

– Интересно, а по какому принципу она срабатывает? – с ходу задумался он и предложил: – Слышь, Атриэль, ты не мог бы тихонько коснуться ларца?

Впечатленный спецэффектами от чужого прикосновения, но несколько успокоенный тем, что высший цветилец держит ларец совершенно спокойно, хоть и не может открыть, эльф осторожно возложил пальцы на боковину святыни и тут же отдернул их, пожаловавшись:

– Жжется!

Элька, не дожидаясь особого приглашения, тоже попробовала приложить пальчик к донышку и торопливо сунула в рот, проинформировав:

– А у мефя мофозиф! – Вынув палец, хаотическая колдунья торопливо прибавила: – Если идеек по открытию нет, Фин, лучше притормозить, пока следующий доброволец не пустил в храм удушающий газ!

– Спокойно, подружка, я знаю, что делаю! Иолир, детка, скажи, твоя богиня очень дорожила этим венцом? – подкинул иезуитский вопросик Рэнд, прохаживаясь по нише.

– Да, чужестранец! – согласилась дух, с испытующим интересом следя за попытками живых подобраться к ларцу. Она была настолько захвачена происходящим, что даже не оскорбилась на обращение «детка».

– Хм... – мосье маг мигом сообразил, куда клонит приятель, и задал следующий вопрос, включаясь в беседу: – А не было ли у сей реликвии иного названия, опечительница Цветилища?

– Сия святыня наречена «девичий венец Лучнитэль», о незримый чужестранец, – первым привычно воспроизвел имя священного предмета высший цветилец и попытался ответить почтительный поклон ларцу в своих же руках.

Несмотря на плавную грацию каждого жеста, все равно вышло комично. Но поставить ларец эльф опасался, дабы тот снова не пропал из виду.

– Ага, так вот почему мы не можем добраться до ларца! Поэтому его ваша богиня небось с собой и не забрала, когда паковалась! Она ж теперь дама замужняя и всяко не девица, – понимающе закивал вор, прищелкивая от возбуждения пальцами, выходило очень громко, не хуже, чем дробь на ложках в каком-нибудь народном ансамбле эхальщиков-ухальщиков-эгегейщиков. На любом прослушивании Фина взяли б туда после первой же демонстрации уникальных умений. – Ты-то, цветилец, саном защищен, а мы напоролись. Мирей, попробуй-ка открыть крышку, ты у нас одна-разъединая целомудренная девица на всю компанию! И если у тебя не выйдет, тогда я вообще не знаю, какая чистота нужна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.